

П. БОЛЬШЕВИКОВ, Г. ГОРБУНОВ

ОЛЬГА АФАНАСЬЕВНА ВАРЕНЦОВА

489676

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1964

ЗКП1(092) Варенцова
+92 - 11 -

Брошюра посвящена замечательной русской женщине-большевичке Ольге Афанасьевне Варенцовой. Имя О. А. Варенцовой связано с революционным движением Иванова и Ярославля, Владимира и Костромы, Москвы и Ленинграда, Астрахани и Вологды, Воронежа и других городов нашей Родины. Преследования, тюрьмы, ссылки не сломили ее волю к борьбе за свободу и счастье народа. Все, кто знал Ольгу Афанасьевну, восхищались ее благородством, бесстрашием, беззаветной преданностью интересам рабочего класса, великим идеалам марксизма-ленинизма.

В 1962 году Ивановским книжным издательством была выпущена брошюра П. Большевикова «Подвиг русской женщины». Настоящий биографический очерк — значительно дополненный вариант книги, вышедшей в Иванове. При написании очерка авторы использовали воспоминания старых коммунистов, знавших Варенцову, архивные документы, автобиографию и рукописи самой Ольги Афанасьевны.

Большевиков Павел Константинович и Горбунов Геннадий Иванович.

ОЛЬГА АФАНАСЬЕВНА ВАРЕНЦОВА. М., Политиздат, 1964.

64 с. с илл.

ЗКП1(092)

Редактор **В. Шальнева**

Художник **Т. Акулов**

Художественный редактор **С. Голубев**

Технический редактор **Т. Климова**

Сдано в набор 29 октября 1963 г. Подписано в печать 13 декабря 1963 г.

Формат 84 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 2 + 1/8 печ. л. вклейка.

Услови. неп л. 3,485. Учетно-изд. л. 3,53. Тираж 50 тыс. экз. А 11708.

Заказ № 1761. Цена 8 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата, Москва,
Краснопролетарская, 16.

НЕ МОНАШЕНКА, А РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Помещик Петр Блудов из деревни Куликово, Шуйского уезда, Владимирской губернии, всем образом жизни оправдывал смысл своей фамилии. Не будучи богатым человеком, он, однако, из дворянского тщеславия жил на широкую ногу, кутил, развратничал, играл в карты.

Когда ему не хватало денег на оплату счетов в ресторанах или на покупку подарков любовницам, он не прочь был отпустить на волю крепостного крестьянина за хороший выкуп.

А такие крестьяне, располагавшие деньгами, к удовольствию Блудова, находились. Вот хотя бы Алексей Варенцов, главный закоперщик извозной артели, которая возила в фабричное село Иваново английскую пряжу, немецкие краски, кирпич и стекло, а оттуда перебрасывала отбельное полотно, печатные и крашеные ситцы.

Алексей Варенцов — богатый мужик, но крепостной. Он днем и ночью молится богу, чтобы откупиться на волю. Хитрый, смекалистый, изворотливый, Алексей Варенцов не жалеет денег на свечи святым угодникам и когда задумал сколотить вокруг себя мужиков на извозную артель, то не пожалел золотых десяток «на молене о преуспянии».

Поп, не торопясь, обходил мужиков, густо и угарно кадил с левой руки, потом большой кистью из конского волоса кропил их «святой» водой. Как только закончился молебен, за церковной оградой, на возу у Алексея Варенцова, достали из-под дерюги 12 четвертей-бутылей сивухи. К граненому стаканчику подошли поп, волостной старшина, урядник, потом артельщики. Выпили, закутили свежей убойной.

Вскоре поехали в дом Варенцова, и там продолжалось «моленье о преуспянии» до тех пор, пока не свалился с ног церковный притч, а потерявшего рассудок урядника сам Алексей отвез домой, в соседнюю деревню, вместе с клетчатой шалью — подарком уряднице.

Через два года после этого события разбогатевший Алексей Варенцов стоял на коленях вместе с сыновьями перед помещиком Блудовым и слезно просил отпустить семью на волю.

Покуражившись для виду и болтая о своем дворянском достоинстве, помещик прикинулся «родным отцом» и, вырвав у Алексея Варенцова все сбережения, подписал вольную грамоту с земельным наделом в четыре десятины.

Не осталось у Алексея накоплений, но была уже приобретена прочная хватка ловкого подрядчика по перевозке кладей, и он вскоре снова разбогател.

Сыновья Алексея Варенцова, Афанасий и Василий, долгое время работали с женами на ткацком станке в своей светелке. Тяжело было управлять ручным станком: пыль лезла в рот, нос и уши, а производительность труда оказывалась настолько низкой, что приходилось работать по 14—16 часов в сутки. Силы слабли, появлялись болезни.

Но вот умер Алексей Варенцов, оставив своим сыновьям изрядные деньги. Братья вскоре расстались: Василий остался в деревне Куликово; Афанасий перебрался с женой в Вознесенский посад, что стоял в 12 верстах от деревни.

Афанасий унаследовал от отца предпринимательскую хватку и фанатическую набожность. Он жил с женой мечтами о детях.

— Не дает бог деток,— с грустью сетовал набожный Афанасий Алексеевич.

— Дадим обет богу,— скорбно отзывалась жена.— Если у нас родится дочь, то принесем ее в жертву все-вышнему: вырастим ее и отдадим в монастырь.

Так жили Варенцовы думой о дочери, которую заранее обрекли в монашескую келью.

Афанасий Алексеевич открыл раздаточную контору, куда приходили ткачи-надомники, получали початки и основу и возвращали взамен этого готовый миткаль. Афанасий Варенцов заметно разбогател, выскочил в купцы.

8 июля 1862 года у Варенцовых родилась девочка. Ее называли Ольгой. Она воспитывалась в условиях патриархального быта, в окружении людей с самыми отсталыми взглядами на жизнь, в повседневной покорности и страхе перед царем и богом. Когда Ольга подросла, то каждое лето проводила у своего дяди в деревне Куликово. Здесь подружилась с деревенскими ребятишками, ходила с ними за грибами, ягодами, играла в горелки и навсегда полюбила родную русскую природу — ароматы полей, густые леса, прохладу маленьких извивающихся лесных речек...

Ольга росла живой, впечатлительной девочкой, проявлявшей интерес ко всему, что ее окружало. От нее не ускользали мрачные картины деревенской бедности. В доме родителей она часто видела суровые, почти бескровные лица изнуренных трудом ткачей. Особенно она любила слушать рассказы дедушки Дементия, дальнего родственника отца.

Дедушка Дементий жил в доме родителей Ольги и занимался хозяйством. Хлебнувший горя крепостного крестьянина, он ненавидел помещиков и часто рассказывал девочке разные истории из жизни крепостников. Оле навсегда запомнился этот маленький старишок с голубыми глазами, который вёл свой рассказ вполголоса, почти шепотом, словно чего-то остерегаясь. Спустя много десятилетий Ольга Афанасьевна Варенцова рассказала в своей автобиографии о дедушке Дементии. «Это был, — писала она, — первый мой воспитатель и учитель, прививший меня делить общество на угнетенных и угнетателей... Я впоследствии много думала о том, какой пре восходный пропагандист мог бы из него выйти».

Грамоте Ольга училась у женщины из раскольнической секты. Эта женщина ничего не объясняла детям, учила бездумно, по церковнославянскому букварю и псалтырю. Ольга очень хотела учиться и скоро научилась читать. Через три года Варенцова была принята в школу при больнице чернорабочих в Вознесенском посаде.

В 1871 году Вознесенский посад и село Иваново, разделенные мелководной речкой Уводью, слились в один административно-хозяйственный центр Иваново-Вознесенск, входивший во Владимирскую губернию. В 1877 году в городе впервые открылась женская гимназия, куда поступила учиться пятнадцатилетняя Ольга Варенцова.

В дни зимних и летних каникул в Иваново-Вознесенск приезжали к своим родителям владимирские семинаристы Виктор Златовратский и Сергей Алякринский, с которыми познакомилась Ольга. Вместе они зачитывались произведениями Белинского, Чернышевского, Писарева, Некрасова, призывающими молодежь порвать с патриархальными устоями затхлого семейного быта и выйти на широкую дорогу общественно-политической жизни.

Иваново-Вознесенская женская гимназия тех лет не давала права на учительство, поэтому Ольге Варенцовой пришлось завершать среднее образование во Владимирской гимназии.

Во Владимире Ольга подружилась с одноклассницей-гимназисткой В. Златовратской, дочерью известного писателя-народника. В квартире Златовратских часто собиралась прогрессивная интеллигенция, обсуждая жгучие вопросы современности.

Здесь Ольга Варенцова впервые вступила в нелегальный кружок учащейся молодежи. Один из участников и основателей владимирского кружка, С. П. Шестернин, спустя много лет писал в своих воспоминаниях: «Женщин в нашем кружке не было... Исключение составляли две гимназистки, примкнувшие к нам, когда мы и они были уже в восьмом классе... Это были — В. Н. Златовратская и Ольга Афанасьевна Варенцова... Варенцова любила спорить и в спорах помахивала рукой, а ее прекрасные лучистые глаза светились ярким сиянием... Бледная, худая, серьезная в своем сером гимназическом платье... она была старше нас и очень начитанна»¹.

Сама Ольга Афанасьевна потом вспоминала, что члены кружка занимались выработкой мировоззрения и больше всего их занимали вопросы: «Что делать?», «Как определить свой путь?»

Кружковцы имели тайную литературу, кассу взаимопомощи, зачитывались народовольческими прокламациями и с гордостью произносили имена Софии Перовской, Желябова, самоотверженно поднявших руку на царя и казненных царским правительством. Варенцову и Златовратскую приводил в восхищение подвиг народовольцев, и нередко они, уединившись, вели затаенную волнующую беседу:

¹ С. П. Шестернин. Пережитое. Москва — Иваново, ОГИЗ, 1940, стр. 12—13.

— Кто знает, может, нас ждет тоже виселица,— не без грусти говорила Златовратская.

— Я готова встать на эшафот,— сверкая лучистыми глазами, отвечала Ольга.— Без жертв нет борьбы. Если бы мне удалось вырваться в Москву, найти настоящих друзей и наставников, я сочла бы это за великое счастье. Ни тюрьмы, ни даже виселица не остановили бы меня в борьбе за освобождение народа.

— В Москву? — удивлялась Златовратская.— Да разве тебя отпустят родители?

— Не отпустят,— бледнея, говорила Ольга.— Они меня готовят в монастырь. А я не верю в бога, ненавижу царя, поэтому не покорюсь отцу с матерью.

С такими настроениями Ольга вернулась домой весной 1884 года, с отличием окончив Владимирскую гимназию.

Златовратская в Москве
Между тем на нее готовилась обрушиться первая буря. Канцелярии владимирского губернатора стало известно о посещении нелегального кружка Варенцовой, и в адрес иваново-вознесенского полицмейстера полетело строгое предписание: «По встретившейся надобности предписываю вашему высокоблагородию немедленно представить мне сведения о нравственных качествах и политической благонадежности проживающей в г. Иваново-Вознесенске, окончившей курс во Владимирской женской гимназии, девицы Ольги Варенцовой».

Полицмейстер показал это предписание отцу Ольги в надежде поживиться взяткой. Насмерть перепуганный Афанасий Варенцов не поскупился деньгами, и полицмейстер сообщил вице-губернатору о политической благонадежности девушки.

В семье Варенцовых начались разногласия и споры. Родители торопились отдать дочь в монастырь. Ольга не хотела об этом слышать и заливалась слезами. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы отец сам не поехал в один из ближайших женских монастырей и не увидел бы там отвратительную картину.

На религиозный праздник в монастырь съехались именитые купцы и дворяне. После шумных попоек они превратили монашескую обитель в притон. Тогда Афанасий Варенцов решил не выполнять обет, данный богу.

Однако дочери было заявлено, что она больше не будет учиться, а выйдет замуж. В дом Варенцовых прихо-

дили свахи и плели новые сети вокруг Ольги. Бледная, худенькая, она по-прежнему беззвучно проливала слезы, ни за что не желая смириться с требованиями родителей, и против их воли уехала в Москву.

Не монашенкой, а пламенной революционеркой суждено было стать девушке из города ткачей!

ПЕРВЫЙ АРЕСТ. ТЮРЬМА

Молодым людям, подобно Ольге Варенцовой, начинавшим революционную деятельность почти 80 лет назад, когда еще не было партии революционного пролетариата, с большим трудом приходилось определять свой путь общественно-политической деятельности.

Когда Ольга Варенцова приехала в Москву и поступила учиться на Высшие женские курсы Герье, она думала только о самых наболевших вопросах: «Что делать?», «Какой путь выбрать?». Воспитанная прежде на лучших образцах революционно-народнической литературы, она в то же время испытывала большое чувство неудовлетворенности народническими идеями, а с некоторыми из них уже принципиально не соглашалась и настойчиво искала в Москве таких людей, которые помогли бы разобраться в сложных проблемах.

Вспоминая потом те далекие времена, Варенцова писала:

«Сомнения в правильности народнических теорий о судьбах русской революции, о путях развития ее возникли у меня уже в 1884 году, к моменту приезда в Москву».

На Высшие женские курсы, куда поступила Варенцова, как правило, шли девушки, так или иначе причастные к революционным идеям, и девизом их было служение народу. Легальная и нелегальная народническая литература широко распространялась в их среде. Горячими спорами о задачах революционеров заполнялись свободные от занятий часы.

В 1883 году за границей возникла марксистская группа «Освобождение труда», созданная Г. В. Плехановым. Слухи об этом доходили до слушательниц женских курсов, но литературы, издаваемой за границей, у них не было. Читали только «Вестник Народной воли»,

а о первой брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба» узнали лишь из крайне враждебной рецензии П. Л. Лаврова.

Террористическая фракция партии «Народная воля» подготовила 1 марта 1887 года покушение на царя Александра III, окончившееся неудачей. Руководители группы были арестованы, а впоследствии А. И. Ульянов и четверо его товарищей казнены в Шлиссельбурге.

Вспыхнули студенческие волнения, направленные против реакционного университетского устава. По существу, выступления студентов носили чисто политический, противоправительственный характер. Особенно бурно они проходили в Москве.

Царское правительство ответило на движение студентов массовыми репрессиями. В ночь на 27 апреля 1887 года производились многочисленные обыски и аресты московских студентов, в числе которых оказалась и Ольга Варенцова.

Будучи в Москве, Варенцова примкнула к одному из нелегальных народовольческих кружков и стала его деятельной участницей.

При обыске у нее нашли нелегальную литературу, однако связи ее с народовольцами установить не удалось.

Три с половиной месяца в одиночной камере Московского дома предварительного заключения были заполнены изматывающими нервы дневными и ночными допросами. Угрозы каторгой и виселицей сменялись уговарами о чистосердечном признании, провокационной клеветой на показания товарищей, якобы уличающих Варенцову как участницу террористических заговоров.

Ольге предлагали не щадить людей, будто бы оклеветавших ее, и рассказать все, что она знает о них, а взамен этого обещали помилование и свободу. Жандармов обманул тщедушный вид Варенцовой. В 25 лет она выглядела хрупкой, больной, нервно вздрагивала при грубых окриках. Но то, что принимали за страх, оказалось простым презрением, презрением чистого сердца девушки, возненавидевшей хамство и лицемерие царских слуг. Ольга уже имела опыт конспиратора и знала азбуку тюремного телеграфа.

Несмотря на тщательную изоляцию, запрещение свиданий с родными и знакомыми, лишение права переписки

и чтения литературы, Ольга знала, какие вопросы задавались ее товарищам. Знала она также, что делается за тюремной решеткой.

Ни одного имени членов кружка не назвала Ольга Варенцова. Ни одной нити связи ее с партией «Народная воля» не установили царские слуги. Еще до ареста Ольга готовилась к допросам. Она знала, что жандармы будут стремиться прежде всего сломить волю, поколебать веру в возможность победы над самодержавием.

12 августа 1887 года следствие по делу народовольческой группы, участницей которой была Варенцова, закончилось. Ей предложили покинуть Москву и отправиться на родину, в Иваново-Вознесенск, под гласный надзор полиции. Но недолго длилась передышка.

30 декабря московский окружной суд приговорил Ольгу к шестимесячному заключению в одиночной камере шуйской тюрьмы, без зачета срока пребывания в следственной «предварилке».

На основании этого приговора владимирский губернатор, распорядившись о заключении Варенцовой в шуйскую тюрьму, тут же «позаботился» о ее дальнейшей судьбе. 21 января 1888 года он предписал иваново-вознесенскому полицмейстеру: «Начальник владимирского губернского жандармского управления уведомил меня, что состоявшая под особым надзором полиции Ольга Афанасьевна Варенцова, ввиду сомнительной ее политической благонадежности, подлежит, по отбытии тюремного заключения, негласному надзору полиции. Предписываю вашему высокоблагородию распорядиться об учреждении за Варенцовой означенного полицейского надзора и об исполнении мне донести».

Предложение губернатора произвело большое впечатление на начальника шуйской тюрьмы. Таких заключенных у него еще не было, и он неусыпно следил за поведением девушки.

Изредка шуйскую тюрьму навещали подруги Варенцовой, которые приносили передачу, состоявшую из продуктов питания и книг. Тюремщики внимательно просматривали книги, прежде чем передать их в руки узницы.

В конце июля 1888 года Ольга отбыла срок тюремного заключения. Но выезд из пределов Владимирской губернии Варенцовой был запрещен. Начал действовать

предписанный губернатором негласный полицейский надзор. По существу, это была ссылка, хотя и в родных краях.

Вот что писал о положении поднадзорных в царской России С. П. Шестернин в своей книге «Пережитое»:

«Поднадзорные были лишены даже минимальных прав. Им все было запрещено, и трудно сказать, какая же деятельность разрешалась... Вид на жительство у поднадзорных отбирался, и они не могли отлучаться из места жительства без разрешения полиции... Полиция имела право входа в квартиру поднадзорного и производства там обыска во всякое время... Деятельность поднадзорного была сильно ограничена: он не мог состоять на государственной и общественной службе, ему запрещалось заниматься педагогической работой. Словом, лицам умственного труда всякая деятельность была запрещена, а рабочих прогоняли с фабрики, как только фабричная администрация узнавала, что они состоят под надзором полиции»¹.

Вот какого рода «свободу» получила Варенцова по выходе из шуйской тюрьмы.

Остаток лета 1888 года она прожила в деревне Куликово. После тяжелых дней, проведенных в тюрьме, возврат на простор полей и лесов был особенно приятным и целительным.

На зиму Ольга вернулась в Иваново-Вознесенск. Нужно было найти какую-то работу. Жить на иждивении отца она не хотела. Попытка устроиться преподавательницей в женскую гимназию кончилась неудачей. Владимирский губернатор, не оставлявший Варенцову своим «вниманием», не утвердил новую учительницу ввиду ее «политической неблагонадежности».

Пришлось искать частные уроки, и с той поры полицейские и жандармы в своих донесениях именовали Ольгу Варенцову «домашней учительницей».

Бурные годы студенчества миновали. Однако снова вставали вопросы: «Что же делать?», «Что дальше?» В своей автобиографии Ольга Афанасьевна впоследствии писала, что 1889—1890 годы были переходной ступенью в ее мировоззрении.

Громадную роль в этом сыграло пребывание в Ива-

¹ С. П. Шестернин. Пережитое, стр. 174.

ново-Вознесенске, где Варенцова начала проходить настоящую школу классовой борьбы.

Город, с его хибарками и каменными мешками-казармами, где жили рабочие, с роскошными особняками мануфактурных тузов, становился ареной классовых схваток.

Ткачи, доведенные до отчаяния эксплуатацией, нередко бросали работу, брались за камни и колья и грозной бушующей толпой подступали к фабричным воротам.

От стихийных бунтов на отдельных фабриках рабочие переходили к более организованным выступлениям — стачкам, в которых принимали участие тысячи тружеников со всех фабрик города.

Даже и не такой пытливый человек, каким была Ольга Варенцова, не мог бы все эти события считать чистой случайностью, понял бы их закономерность, определяемую классовой борьбой между растущим русским пролетариатом, с одной стороны, и его заклятым врагом, буржуазией,— с другой.

В 1891 году Ольга Афанасьевна познакомилась с книгой Плеханова «Наши разногласия». Значительно позже в своих воспоминаниях она писала: «Эта книга окончательно освободила меня от народнических иллюзий и заставила серьезно взяться за выработку марксистского мировоззрения».

Книги и брошюры группы «Освобождение труда» в малом количестве проникали и распространялись в России, но марксизм как учение неуклонно пробивал широкую дорогу.

Ольга Афанасьевна много читала, искала единомышленников. Полицейский надзор не позволял вести пропаганду марксистских идей так, как бы ей хотелось, и она использовала для этой цели свои грибные путешествия, воскресные гуляния рабочих за городом — словом, «обрастала» нужными знакомствами, готовясь к большой общественно-революционной деятельности.

МАРКСИСТСКИЕ ЗОРИ НА ИВАНОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

К счастью Ольги Варенцовой, в ее родных краях стали появляться новые люди, с которыми она быстро находила общий язык. В этот период Варенцова встре-

тилась с Федором Кондратьевым, студентом Петербургского технологического института.

В Петербурге он принимал участие в студенческих организациях. Под влиянием своих старших товарищей, братьев Леонида и Германа Красиных, Кондратьев изучал марксистскую литературу и активно участвовал в кружке Бруснева. Вместе с Красиным и Брусневым он сидел в коломенской части за студенческую забастовку.

После похорон писателя-революционера Н. В. Шелгунова, превратившихся в антиправительственную демонстрацию студентов и рабочих Петербурга, Федора Кондратьева весной 1891 года выслали из Петербурга в деревню Куликово, где Ольга часто бывала у своих родственников.

Встретившись с Кондратьевым, она нашла в нем единомышленника по революционным взглядам, познакомила его с наиболее развитыми рабочими, приходившими по праздникам из города в деревню.

Осенью того же года Кондратьев в поисках работы поселился в Иваново-Вознесенске. На фабрики высланного студента нигде не принимали. Варенцова, имея уже некоторый опыт по частным урокам, помогла ему устроиться репетитором сына главного механика на железной дороге.

Остановившись в доме Соколова, Федор Кондратьев превратил свою квартиру в место тайных сходок революционно настроенных текстильщиков.

Сюда зачастил рабочий железнодорожного депо 18-летний Михаил Багаев, вскоре ставший видным профессиональным революционером. Приходили на квартиру Кондратьева люди старшего поколения, семейные.

Ольга Варенцова не принимала участия в этих сходках, чтобы не навлечь внимания полиции своей поднадзорной персоной. А внимание полиции она чувствовала постоянно: в дом отца то и дело наведывались люди в полицейской форме и жадно шарили глазами по ее книжной полке.

За деятельностью Федора Кондратьева она внимательно наблюдала через близко стоявших к ней рабочих и пытливо расспрашивала самого Федора, чем интересуются рабочие и какие беседы он с ними проводит. Ольга прекрасно понимала, что хотя Федор и марксист, но, как он сам говорил, с «поправочкой» на Михайловского. Эта

«поправочка» действительно могла затянуть до бесконечности чисто культурническое направление кружка, отодвинуть на неопределенный срок организаторскую работу по сплочению рабочих.

Среди посетителей квартиры Кондратьева не было женщин, поэтому Варенцова сама занималась с ними, стремясь внушить работницам необходимость организованной борьбы с фабрикантами.

В начале ноября 1892 года по инициативе Ольги Варенцовой из числа наиболее активных рабочих, посещавших квартиру Кондратьева, создается первый в Иваново-Вознесенске марксистский кружок. В него вступило семь человек. На первом собрании был принят устав кружка, в котором говорилось о необходимости организации рабочих для борьбы с буржуазией за улучшение жизни рабочего класса и пропаганды идей социализма.

Лето 1893 года прошло для кружковцев в хлопотах по созианию сил. Вербовались новые члены кружка, и к осени их насчитывалось до 30 человек.

Одной конспиративной квартиры уже не хватало. Революционное подполье пустило в городе глубокие корни. Появились новые места тайных сходок, куда нередко приходили женщины-работницы, впервые услышавшие о классовой борьбе из уст Варенцовой.

В феврале 1894 года в Иваново-Вознесенск приехал на должность мирового судьи С. П. Шестернин. Ольга Варенцова знала его по народовольческому кружку во Владимире. Теперь же, будучи убежденной марксисткой, она не торопилась встретиться с ним, но вскоре узнала, что новый судья с первых же дней проявляет себя как человек справедливый к нуждам рабочих.

Подойдя однажды к Шестернину, она воскликнула:

— Сергей Павлович, здравствуйте! Не узнаете старую знакомую?

Шестернин внимательно посмотрел ей в лицо и радостно протянул руки.

— Ольга Афанасьевна? Вот не ожидал вас встретить. Значит, вы здесь в Иваново-Вознесенске? Вы заметно возмужали, пополнели. Да что мы тут стоим? Идемте на квартиру.

На столе появился неизменный спутник дружеских встреч того времени — самовар. После первых воспоминаний и вопросов об общих знакомых Варенцова повела

разговор о деле, ради которого встретилась с Сергеем Павловичем.

Она хотела знать, каких взглядов придерживается ее старый товарищ, в прошлом единомышленник по народовольческим убеждениям. Ясные, лучистые глаза готовы были запылать гневом, если перед ними окажется противник. С той поры как Ольга была с Шестерниным в одном гимназическом кружке, прошло много лет. Безусый гимназист Сережа Шестернин превратился теперь в 30-летнего мужчину, с окладистой темно-русой бородой. Черный сюртук и крахмальная манишка делали его солидным и строгим с виду человеком.

Эта встреча положила начало их последующей многолетней и прочной дружбе. Сергей Павлович рассказал Варенцовой, что он очень стремился попасть именно в Иваново-Вознесенск, этот крупный рабочий центр, где он надеялся найти революционную марксистскую организацию и принять участие в ее работе. Оторванная от связей с Москвой и Петербургом, Варенцова с радостью услышала, что Шестернин перед приездом в Иваново-Вознесенск установил контакт с марксистскими кружками этих городов.

Сергей Павлович рассказал ей, с какими замечательными людьми он встретился. Много говорил о Владимире Ильиче Ленине, о Г. М. Кржижановском и других петербургских марксистах. В свою очередь она рассказала о рабочем кружке в Иваново-Вознесенске, о своих занятиях с женщинами. Договорились о новых встречах, о совместной работе. С пачкой свежей нелегальной литературы в руках Ольга Афанасьевна вернулась домой.

Варенцова познакомила с Шестерниным Федора Кондратьева. В рабочем кружке появилась новая литература: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» В. И. Ленина, четыре речи рабочих, произнесенные 1 мая 1891 года, «Речь Петра Алексеева» и др.

Все эти брошюры, написанные популярным языком, читались кружковцами и имели огромное значение для выработки их классового сознания. Кружок разросся до нескольких десятков человек. Еще оживленнее пошла работа после того, как по инициативе Шестернина в Иваново-Вознесенске открыли первую книжную лавку.

В первое воскресенье мая 1895 года кружковцы решили праздновать маевку. Это был уже настоящий пролетарский праздник в Иваново-Вознесенске. В лесу за рекой Талкой собралось около 30 человек. На вершине березки укрепили красный платок. Выступали члены кружка с заранее подготовленными речами, разъясняя значение праздника 1 Мая. Рабочий-слесарь Кубаевской фабрики Обухов закончил свое выступление лозунгом «Коммунистического Манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Тут же решили преобразовать кружок в революционную организацию «Иваново-Вознесенский рабочий союз». Председателем «Союза» избрали Федора Кондратьева, а секретарем и казначеем — Евдокимова; ему же было поручено составить для «Союза» программу.

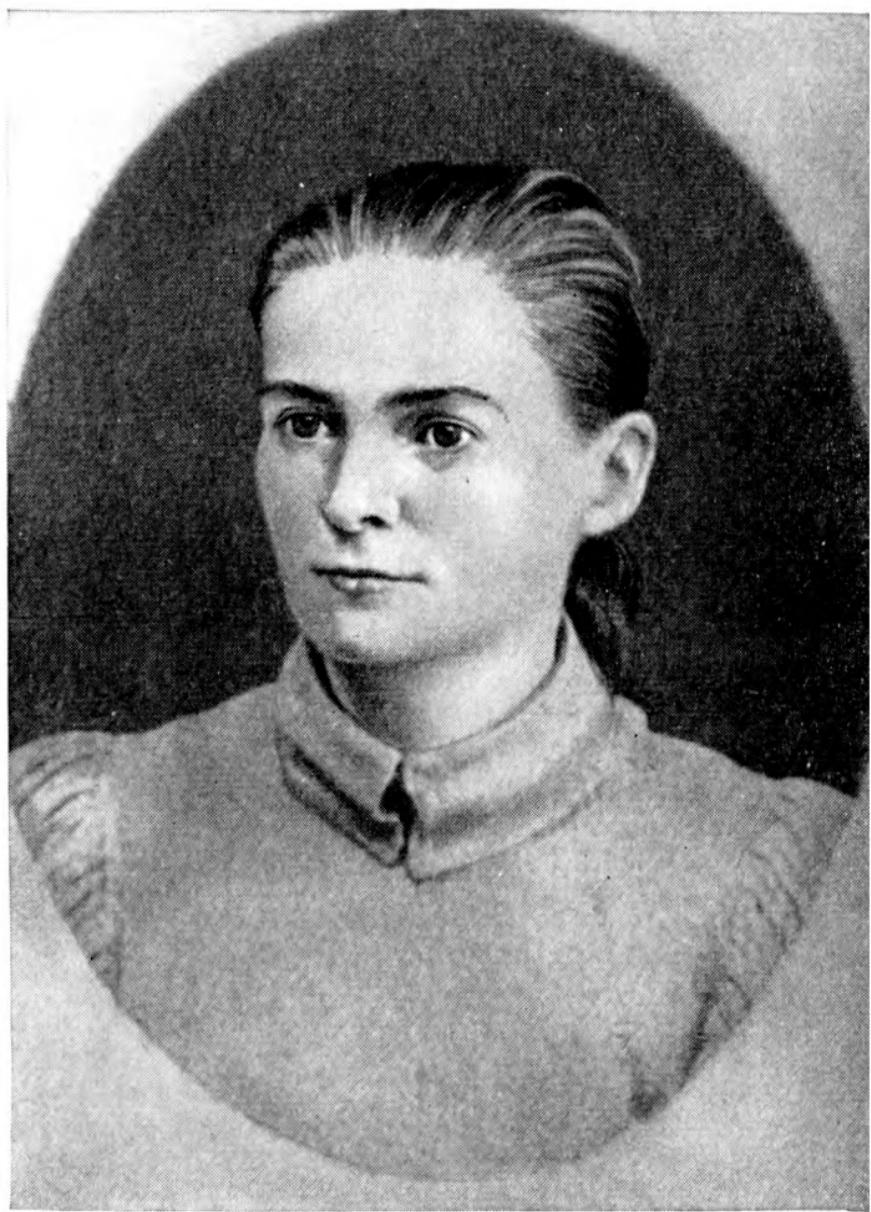
Представленный Евдокимовым проект программы, прежде чем его вынесли на общее собрание «Союза», несколько раз обсуждался руководящей группой кружковцев. При обсуждении программы возникли первые разногласия между Кондратьевым и Евдокимовым, с одной стороны, Варенцовой, Багаевым и Шестерниным — с другой. Проект программы, разработанный Евдокимовым, нацеливал рабочих на постепенное завоевание своих позиций, на создание общества «братского труда без пролития крови».

С горячими возражениями выступила Варенцова против постепеновского духа проекта.

— Как можно, — с жаром говорила она, — создать братство труда без революционной борьбы? Как можно заставить царское правительство без жестокой политической борьбы с ним признать свободу слова и печати, свободу рабочих союзов? Как это можно сделать без насилиственного свержения самодержавного строя в России?

Ольга Афанасьевна была уже знакома с установкой петербургских марксистов во главе с В. И. Лениным. Она изложила свои возражения против проекта Евдокимова — Кондратьева в особой записке членам «Союза», указывая, что эта программа обходит молчанием вопрос о низвержении самодержавия и о революционных методах борьбы рабочего класса.

1895 год для «Иваново-Вознесенского рабочего союза» стал годом политической активности, вдумчивой учебы и роста новых связей с рабочими. На пяти нелепицах

О. А. ВАРЕНЦОВА
1897 г.

О. А. ВАРЕНЦОВА С ИВАНОВСКИМИ КОМСОМОЛЬЦАМИ 1919 г.

гальных квартирах проводились регулярные, а иногда почти ежедневные занятия с членами кружков.

Разветвление «Союза» на несколько отдельных кружков вызывалось не только соображениями конспирации и теснотой отдельных квартир, но и различным уровнем подготовленности товарищей.

Вскоре был создан единый руководящий центр «Союза», в который вошли Варенцова, Кондратьев, Багаев, Кудряшов и др. Собирался центр раз в неделю, распределяя членов кружков по квартирам, решая организационные вопросы, намечая темы занятий.

Стачка 1895 года, вспыхнувшая на фабрике «Товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры», ознаменовала собой новый революционный подъем в Иваново-Вознесенске. Две тысячи рабочих, которым угрожало понижение расценок на 25 процентов, отказались работать. Жандармы и фабричная инспекция, действуя заодно, решили не делать никаких уступок бастующим, дабы не поколебать авторитет властей.

В начале октября в город приехал владимирский губернатор. Он угрожал рабочим увольнением, требовал, чтобы они немедленно встали за станки, но ничего не добился. Иваново-вознесенские марксисты — Варенцова, Багаев и др. — высказались за активное руководство стачкой и повели борьбу против «экономистов», которые хотели оставаться в стороне от этого события.

Во время стачки Багаев впервые выступил с речью перед двухтысячной толпой бастующих. Он разъяснял задачи борьбы с фабрикантами, указывал, что рабочим бесполезно ждать защиты от властей, призывал их быть стойкими и солидарными. Началась выработка требований к владельцам фабрик. Эти требования становились предметом жарких обсуждений среди текстильщиков.

Ольга Афанасьевна Варенцова ежедневно интересовалась ходом стачки, вместе с Шестерниным составляла описание всех ее событий, собирала денежные средства в помощь пострадавшим рабочим.

На основании собранных материалов Шестернин написал корреспонденцию и отправил ее в Петербург, в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», возглавляемый В. И. Лениным. Владимир Ильич лично обработал весь полученный из Иваново-Вознесенска материал, отоспал его за границу, где он и был напечатан

в первом-втором номерах нелегального журнала «Работник» за 1896 год. Кроме того, В. И. Ленин написал статью об этой стачке для готовящейся к изданию газеты «Рабочее дело». Однако осуществить этот замысел Владимир Ильич не сумел: в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года он и его ближайшие соратники были арестованы.

Активная деятельность «Иваново-Вознесенского рабочего союза» не могла пройти не замеченной жандармерией. Первыми подверглись аресту Кондратьев, Махов и другие товарищи.

Об участии и роли в «Союзе» О. А. Варенцовой жандармам не было известно. Однако Ольга Афанасьевна понимала, что новые аресты неизбежны, и готовила замену из наиболее развитых рабочих.

Теперь вся тяжесть руководства «Союзом» легла на плечи Варенцовой. Ей пришлось отбросить многие конспиративные соображения и вплотную заняться укреплением «Союза». Она всячески стремилась к тому, чтобы наскоки жандармов не могли приостановить биение революционного пульса в городе.

Ольга Афанасьевна подбадривает упавших духом членов «Союза». На групповых собраниях разбирает причины, которые привели к провалу и аресту руководителей, говорит о необходимости усвоить элементарные правила конспирации, о соблюдении строжайшей дисциплины. Теперь Варенцова стала открыто появляться на собраниях и занятиях кружков.

Получая через Шестернина новую нелегальную литературу, поступающую из Петербурга и Москвы, она сама переносит ее в деревню Куликово, где устраивает тайный склад.

К началу 1897 года «Иваново-Вознесенский рабочий союз» заметно окреп и вырос. В нем уже насчитывалось к тому времени свыше 100 человек, и он получил мандат на съезд социал-демократических организаций, который предполагалось созвать в Киеве.

В городе было создано 12 ячеек — по числу крупных фабрик. Во главе каждой ячейки поставлен выборный. Собрание выборных составляло руководящий центр города. Вместо фамилий введены были клички — псевдонимы. В документах, протоколах и списках как выборные, так и члены ячеек на предприятиях обозначались порядковыми номерами.

Но не дремали и жандармы. Им удалось заслать в руководящий центр провокатора, а за Варенцовой установили постоянную слежку.

9 июня 1897 года жандармы произвели обыск у всех выборных и арестовали Ольгу Афанасьевну в числе других товарищей.

Впоследствии оказалось, что провокатором был В. И. Муравьев, по кличке Философ. Он выдал царской охранке всех известных ему участников организации, рассказал о кассе, библиотеке, о маевке 1897 года, указал на Варенцову как на главную руководительницу «Союза».

По приговору от 7 января 1898 года Ольгу Афанасьевну Варенцову выслали на два года в город Бирск, Уфимской губернии.

Так закончился для нее этот самый продолжительный период непрерывной революционной работы в Иваново-Вознесенске. Впереди была суровая ссылка, но за плечами Ольги Афанасьевны оставался богатый опыт революционерки марксистского направления, и она мужественно смотрела в лицо предстоящим невзгодам. Варенцова покидала родные места с чувством глубокой удовлетворенности от того, что с помощью верных друзей ей удалось зажечь первые марксистские искры в сердцах ивановских ткачей.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

Много передумала Ольга Афанасьевна по дороге в ссылку. Горько ей было от того, что один провокатор, заползший, словно змея, в революционное подполье, вырвал из боевых рядов лучших товарищей. Что же, вперед наука. Сколько еще таких провокаторов будет, неизвестно. Ведь царская охранка располагает золотом, оружием, шпионами, наконец, вооруженными войсками, и все-таки — Варенцова оживилась, глаза засветились радостью — все-таки революция набирает силы, ее не задушить.

Горькие раздумья сменились глубоким воодушевлением, радостью, и радовалась она прежде всего тому, что, несмотря на большие потери, революционное подполье продолжает не только жить, но и завоевывает все больший авторитет в рабочих массах.

Находясь в тюрьме, под следствием, Ольга Афанасьевна знала, что все 12 ячеек на крупных фабриках Иваново-Вознесенска продолжают работать, а стачки, которые прежде охватывали две-три тысячи текстильщиков, теперь становятся более внушительными и грозными. Примером тому явилась декабрьская стачка 1897 года, когда 15 тысяч рабочих в едином порыве покинули станки и машины.

Еще одна дума, не покидавшая Варенцову, была о руководящем центре русской революции. Она больше, чем кто-либо из ивановцев, мечтала о таком центре, который бы направил могучие силы рабочего класса страны.

С такими думами добиралась она до города Бирска, Уфимской губернии, в то время глухого угла царской России. Только летом, с наступлением судоходства по реке Белой, Бирск несколько оживлялся и здесь можно было встретить новых людей. В самой Уфе под надзором полиции жила довольно значительная колония ссыльных.

По своему характеру Варенцова была удивительно энергичной и общительной женщиной. Находилась ли она в тюрьме или ссылке — всюду у нее появлялись друзья, которые помогали держать постоянную связь с революционерами.

Ольга Афанасьевна не замедлила установить контакт с колонией ссыльных в Уфе, переписывалась с иваново-вознесенскими, ярославскими и воронежскими социал-демократами.

В своих письмах земляки от всего сердца звали Варенцову после ссылки снова вернуться в родные края. Так она и сама думала сделать, но ее желание оказалось невыполнимым.

В январе 1900 года срок ссылки кончился, однако Ольге Афанасьевне запретили жить в 22 губерниях, в том числе во Владимирской и Уфимской. Путь в родные края оказался закрытым, а перебравшись в Уфу, она получила грозное предупреждение полиции о немедленном выезде из города.

С большим риском для себя Варенцова, однако, задержалась в Уфе, скрываясь на конспиративных квартирах. Причиной к тому послужило очень важное событие.

Встретившись в Уфе с Надеждой Константиновной

Крупской, отбывавшей здесь ссылку, Варенцова узнала, что в Уфу должен приехать Владимир Ильич Ленин. Ольга Афанасьевна оттягивала свой отъезд из города день за днем. Но, несмотря на меры конспирации, не удалось ускользнуть от глаз царской охранки.

Однажды ее вызвали в жандармское управление:

— Почему вы не покидаете Уфу? — раздраженно спросил начальник управления.

— Нет денег на дорогу, — скромно ответила Варенцова.

— Это нас не касается, — грозно заявил начальник, — немедленно убирайтесь из города, иначе я вас отправлю по этапу в Сибирь.

Ольга Афанасьевна знала, что бесполезно спорить с самодурами в голубых мундирах. Она дала слово покинуть Уфу, а сама вновь скрывалась в затаенных местах города, с нетерпением дожинаясь приезда молодого вождя русских марксистов.

Владимир Ильич по дороге из сибирской ссылки остановился в Уфе. Здесь он решил собрать социал-демократов.

Такое совещание состоялось в феврале 1900 года на квартире старого народовольца Аптекмана, куда Н. К. Крупская пригласила и Варенцову.

Владимир Ильич в своей речи перед собравшимися изложил план построения марксистской партии России, план организации общерусской политической газеты «Искра». Он подчеркнул необходимость идейного сплочения русских марксистов, которые должны поднять рабочий класс на политическую борьбу с самодержавием и разоблачить «экономистов», стремящихся смазать, затушевать насущные задачи революции.

В тот день Ольга Афанасьевна почувствовала небывалое воодушевление. Она видела перед собой истинного вождя рабочего класса, слышала из его уст уверенные слова о создании политической партии пролетариата, и все это наполняло ее свежими силами, а главное, давало в руки такой компас, с которым можно безошибочно определить свой путь.

На всю жизнь запомнился этот день Варенцовой, и много лет спустя, в преклонном возрасте, она писала в автобиографии: «...речь В. И. Ленина, произнесенная в Уфе, на квартире Аптекмана, произвела на меня глубокое

впечатление и определила мое политическое направление. Я присоединилась к организации «Искра»».

Вербяя сторонников и агентов «Искры», Владимир Ильич интересовался социал-демократическим движением в Иваново-Вознесенске. Надежда Константиновна Крупская обменялась с Варенцовой адресами и явками.

Теперь вставал вопрос: куда выехать из Уфы? Ольга Афанасьевна решила воспользоваться приглашением С. П. Шестернина и отправилась в город Бобров, Воронежской губернии, куда Шестернин был переведен из Иваново-Вознесенска. Варенцова рассказала ему о своей встрече с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, познакомила с планом создания «Искры».

Шестернин, ранее знакомый с Лениным, его горячий сторонник, вместе с Варенцовой энергично начал вербовать друзей «Искры» среди социал-демократов, отбывавших ссылку в Воронеже. Ольга Афанасьевна встретилась здесь со своими старыми знакомыми по Иваново-Вознесенску, Ярославлю и Москве. Среди них она пропагандировала ленинские идеи. Таким образом в Воронеже определилась группа искровцев, которая активно повела борьбу с экономистами.

Находясь в Воронеже, Варенцова, Носков и Доливо-Добровольский все время поддерживали связь с социал-демократическими организациями Иваново-Вознесенска, Костромы, Ярославля и Владимира. Обсуждая положение в этих организациях, они единодушно договорились об объединении социал-демократов северных городов России с единым руководящим центром во главе.

Так возникла идея создания «Северного рабочего союза», которую одобрил В. И. Ленин. Владимир Ильич условился о связях «Северного союза» с заграничным искровским центром.

Дальнейшие мероприятия по организации «Северного союза» Ольга Афанасьевна описывает так: «В январе 1901 года кончился срок моих ограничений, я решила поехать на Север осуществлять план создания «Северного рабочего союза», а предварительно заехать в Уфу для получения первого номера «Искры» и адресов для переписки с редакцией «Искры» от Н. К. Крупской».

Проезжая через Москву, Варенцова установила связь с московской социал-демократической организацией, с Н. Э. Бауманом, просила его посыпать партийной ин-

теллигенцию для работы на Север. В это время к Бауману приехали Н. К. Крупская и возвращавшаяся из ссылки Г. И. Окулова.

Г. И. Окулова в своих воспоминаниях рассказывает: «В начале 1901 года, возвращаясь из ссылки, в Уфе я встретилась с Н. К. Крупской и получила от нее явку в Москву к Бауману. Бауман меня направил к О. А. Варенцовой. От нее я получила явку в Иваново-Вознесенск».

Так появился в Иваново-Вознесенске первый представитель «Искры» — Г. И. Окулова.

В Уфе первого номера «Искры» не оказалось. «К великому моему сожалению, — вспоминала Ольга Афанасьевна, — номер «Искры» не был получен. Наша нелегальная почта работала еще с большими перебоями. Но меня утешали, что газета не сегодня, так завтра должна быть получена. Я решила ждать. Дни летели быстро. Здесь я встретилась со старыми товарищами по ссылке, обменялись воспоминаниями о минувших днях и надеждами на будущее. Через несколько дней газета была получена, и я отправилась в путь, сопровождаемая пожеланиями товарищей «подольше продержаться, дольше не попадаться» в лапы жандармов...

Сначала я поехала в Иваново-Вознесенск, где нашла правильно функционирующую организацию. Партийный комитет был связан с рабочими группами на фабриках и заводах».

Иваново-вознесенцы живо отзовались на признание организационного плана «Искры» и ее политической линии. Костромская, владимирская и ярославская организации также высказались за объединение.

Местом пребывания центра «Северного рабочего союза» был выбран Ярославль. Здесь и поселилась О. А. Варенцова, поступив на работу в статистическое бюро. В августе 1901 года Ольга Афанасьевна с Н. Н. Кардашевым провели в Кинешме совещание организаций «Северного рабочего союза». На совещании обсуждались вопросы: 1) доклады с мест; 2) отношение к «Искре»; 3) организационные вопросы; 4) текущие дела.

Доклад по второму вопросу сделала Варенцова. Она настаивала на необходимости ясно определить позицию «Северного рабочего союза» по отношению к «Искре»,

особенно подчеркнула положение Ленина о том, что идейное объединение является предварительным условием организационного объединения. Ее поддержали представители иваново-вознесенской, владимирской и ярославской организаций. Таким образом, «Северный рабочий союз» с самого начала своего возникновения был тесно связан с «Искрой» и стоял на ленинских позициях.

В первых же номерах «Искры» появились корреспонденции из района деятельности «Северного союза», причем авторами большинства корреспонденций являлись рабочие.

Недаром В. И. Ленин с особым вниманием и заботой относился к «Северному союзу». В своем письме В. А. Носкову 4 августа 1902 года Владимир Ильич подчеркивал значение связи «Искры» с местными организациями. Употребляя в письме конспиративное название «Северного союза» — «Семен Семеныч», В. И. Ленин писал следующее: «...Я и к Семену Семенычу ревнив, до чортиков ревнив, и ко всякому взгляду (даже взгляду) на «стороннюю особу» отношусь с волнением. И не могу относиться иначе... необходимо, чтобы повар¹ и писал нам очень часто и писал *непосредственно* и связал нас крепче с Семен Семенычом и Семена Семеныча с нами»².

«Северный рабочий союз» сыграл огромную роль в развитии социал-демократических организаций Владимирской, Костромской, Ярославской губерний. Его опорой была иваново-вознесенская организация РСДРП. «Северный рабочий союз» руководил партийной, агитационной и пропагандистской работой в огромном центральном промышленном районе России.

Ольга Афанасьевна вместе с Михаилом Багаевым и другими испытанными в классовых боях революционерами вела неустанную работу по пропаганде идей «Искры», руководила подпольной типографией, писала тексты прокламаций; и эти прокламации в тысячах экземпляров шли по рукам рабочих, зажигая в их сердцах гнев и ненависть к царизму.

В одной из таких прокламаций говорилось: «Взгляните, товарищи, на окружающую нас жизнь, на жизнь

¹ Повар — псевдоним Ф. И. Щеколдина.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, г. 34, стр. 91, 92.

рабочего человека. День за днем — каторжный, убивающий силы, однообразный труд... Этого мало. За каторжный труд, за каторжную жизнь мы получаем жалкие гроши... От такой жизни чахнут прежде временно наши матери, жены и дочери, наши дети выглядят мертвецами»¹.

Как правило, все прокламации призывали к сплочению сил рабочих, к политической борьбе и заканчивались лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социальная революция!» Между тем царская охранка уже нацелилась разгромить «Северный рабочий союз», который становился реальной угрозой для самодержавия.

За разгром «Северного рабочего союза» взялись полицейское и жандармское управления Москвы. В руках московских телохранителей царя оказалось несколько документов и явок руководящих деятелей «Союза». Охранка составила тщательный план ареста социал-демократов, а к руководству «Северного союза» был подослан испытанный, старый провокатор Л. П. Меньщиков, снабженный разной информацией и явками.

Меньщиков еще в 1887 году, будучи учеником Строгановского училища, выдал охранке группу молодых народовольцев. С той поры он оставался в революционных организациях, заводил новые связи и продолжал негласно давать агентурные сведения о социал-демократах. Это он составил агентурные характеристики на Варенцову, Панина, работавшего в Иваново-Вознесенске посланцем «Искры», Багаева и многих других деятелей революционного подполья.

Вот как выглядела характеристика, составленная им на Варенцову:

«Варенцова Ольга Афанасьевна. Тщедушная, за 30 лет, служит в статистическом бюро. Выдержанная, уравновешенная натура; заядлая социал-демократка искровского толка. Много поработала в Иваново-Вознесенске; жила в Уфе, где слушала лекции старого народовольца Аптекмана, в Харькове, где у нее теперь есть рабочий Дмитрий Семенович Яшин, на которого она возлагает большие надежды... Переселившись в Ярославль

¹ О. А. Варенцова. Северный рабочий союз. Иваново. 1948, стр. 185, 186.

и вступив в местный социал-демократический комитет, она явилась adeptом «Северного союза», участвуя на съездах деятелей оного, а равно в выработке программы и устава его. Лично ведет постоянную пропаганду среди рабочих... Занималась сама и гектографированием и разбрасыванием преступных воззваний... К себе никого не принимает, все свидания устраивает у Новицкой, во все посвященной. Имела приглашение от Петербургского комитета на партийный съезд, но не получила точных указаний на время и место оного... Варенцова корреспондирует в «Искру»...»

Впоследствии Ольга Афанасьевна писала, что агентурные характеристики, составленные Меньшиковым, отражали довольно точно все сведения и события, за немногими исключениями.

Матерый провокатор, пользуясь старыми связями с революционерами, имея явки и пароли, собрал большой фактический материал о «Северном союзе». Он уже тогда работал помощником начальника московского охранного отделения, которое возглавлял Зубатов. Меньшиков решил взорвать «Северный союз» изнутри. С помощью известных ему явок и паролей он прибыл под именем Ивана Алексеевича сначала в Воронеж, затем в Ярославль, результатом чего стали повальные обыски и аресты.

«Приезжий «товарищ», — писала потом Варенцова, — неприятно поразил меня своим тучным, упитанным видом и маловыразительным лицом... Иван Алексеевич совсем не нравился Багаеву... Мы решили наблюдать за вновь прибывшим, но не успели еще как следует проверить своих впечатлений, как очутились за решеткой, и тогда уже у нас сомнений больше не было, сразу прозрели и поняли, что «Иван Алексеевич» — провокатор»¹.

В ночь на 23 апреля 1902 года были проведены обыски и аресты в Ярославле, Костроме и Владимире. За несколько дней до этого аресты прошли в Воронеже и Иваново-Вознесенске. В числе 12 арестованных в Ярославле оказалась и Варенцова.

Ольгу Афанасьевну отправили в Москву в Бутырскую тюрьму, где она просидела до июля 1903 года.

Пребывание в Бутырской тюрьме описано в брошюре

¹ О. А. Варенцова Северный рабочий союз, стр. 98, 100.

Людмилы Сталь «Год за тюремной решеткой». Вот что она рассказывала:

— В нижнем этаже полицейской башни, в которую нас посадили, в самой скверной и темной камере сидела Ольга Афанасьевна Варенцова...

Ольга Афанасьевна держалась вначале как-то в стороне от всей нашей компании. Сидя внизу, у входа в башню, она лишена была возможности часто подыматься к нам. Мы же, сидящие в двух верхних этажах, быстро сошлись и зажили коммуной. Мы сразу полюбили Ольгу Афанасьевну и окружили своей заботой, несмотря на все ее неоднократные протесты и заявления, что ей «ничего не нужно». Первым долгом мы добились того, что она была переведена в верхний этаж, где камеры были теплее и суще. Потом мы начали заботиться о ее гардеробе... С каким усердием, с каким удовольствием мы принялись тогда все гурьбой обшивать Ольгу Афанасьевну! Она принимала наши заботы ворчливо-ласково. Когда Ольгу Афанасьевну перевели в другую камеру, к нам наверх, она стала ближе к нашей компании. Вышло это так: по поручению Ольги Афанасьевны я перестукивалась, или, правильнее сказать, «перемахивалась», с заключенными соседней, Пугачевской башни, превращенной в больницу. Там сидел по делу «Северного рабочего союза» Иван Платонович Александров (кличка Макар). Стучать нельзя было, потому что башня была далеко, и стук заменялся маханием платка.

Каждый взмах в вертикальном направлении означал строчку, а в горизонтальном — букву...

Когда мы сидели вместе в «Бутырках», Ольга Афанасьевна любила рассказывать о своем Иваново-Вознесенске, об ивановских рабочих. Ее не оставляла забота о том, что в Иваново-Вознесенске мало интеллигентных партийных работников. Она взяла и с меня слово, что, как только я буду свободна, поеду туда работать.

Жизнь и революция, жизнь и партия в ее личности слились в одно неразрывное целое¹.

В ноябре 1902 года Людмилу Сталь отправили в сибирскую ссылку, Ольга Афанасьевна осталась в Бутырской тюрьме ожидать дальнейшего решения своей участии.

¹ См. Л. Сталь. Год за тюремной решеткой. М.—Л., Госиздат, 1926, стр. 16, 25, 26, 27, 28.

Много лучших людей вырвала жандармерия из рядов «Северного союза», но взорвать его изнутри царским сатрапам не удалось. «Союз» продолжал действовать, распространяя свое влияние на соседние губернии.

На II съезде партии представители «Северного союза» заявили о своей безоговорочной поддержке ленинских идей, прочно и убежденно заняв позиции большевиков.

Начиная со II съезда «Северный рабочий союз» стал именоваться «Северным комитетом РСДРП».

Никому не удалось создать свою параллельную сколько-нибудь заметную меньшевистскую группу в громадном районе действия «Северного комитета». Большевики здесь пустили глубокие корни и пользовались безраздельной поддержкой и любовью рабочих масс. Именно это наполняло горячее сердце Варенцовой революционной страстью, когда ей приходилось томиться в казематах, одиночных камерах или в ссылке.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

В середине 1903 года Ольгу Афанасьевну приговорили к трехлетней ссылке в Астрахань. Перед отъездом она успела заручиться через своих близких товарищей адресами и явками астраханских социал-демократов.

По приезде в ссылку она сразу попала к секретарю местного комитета партии и получила от него задание по составлению прокламаций для бастующих астраханских рабочих. Варенцову вводят в состав городского комитета, утверждают секретарем, поручив руководство кружками рабочих и интеллигенции.

В Астрахани Ольга Афанасьевна тяжело заболела и хлопотала о разрешении переменить место жительства. Осенью 1904 года она переезжает в Вологду. Едва оправившись от болезни, Варенцова становится секретарем комитета вологодской социал-демократической группы. Ольга Афанасьевна организовывает регулярные занятия в кружках, ведет пропаганду среди учащихся. Между вологодской социал-демократической организацией и «Северным комитетом» устанавливаются крепкие связи.

Наступил 1905 год. Над Россией разразилась революционная буря. В мае началась всеобщая политическая стачка рабочих-текстильщиков Иваново-Вознесенска, в

ходе которой был создан один из первых Советов рабочих депутатов в России. Все руководство борьбой возглавили опытные большевики — Ф. А. Афанасьев, М. В. Фрунзе, С. И. Балашов, Е. А. Дунаев, Ф. Н. Самойлов.

О всеобщей политической стачке текстильщиков узнали рабочие всей России. Она явилась сигналом для массовых забастовок во всех промышленных центрах страны, а созданный Совет рабочих депутатов стал примером для других Советов, возникших в дни революции 1905 года. В них В. И. Ленин увидел прообраз будущих органов Советской власти.

В те дни О. А. Варенцова находилась в Вологде, но была в курсе всех событий, происходивших в Иваново-Вознесенске. Революция только начиналась, и Ольга Афанасьевна готовилась к грядущим боям.

В июле 1905 года она нелегально едет в Кострому на конференцию северных социал-демократических организаций. Эта конференция обсуждала вопрос, связанный с существованием «Северного комитета РСДРП». Местные социал-демократические организации (иваново-вознесенская, костромская, владимирская и др.) выросли, окрепли, стали массовыми; поэтому на Костромской конференции, где присутствовал представитель ЦК РСДРП, решено было ликвидировать «Северный комитет РСДРП». Его заменили теперь непосредственно подчиненные ЦК партии местные комитеты: Иваново-Вознесенский, объединяющий в самом городе свыше 500 членов партии, Костромской, Владимирский и Ярославский.

Вернувшись в Вологду, Варенцова собрала местную группу большевиков и сделала доклад о событиях в Иваново-Вознесенске и о конференции в Костроме. Вологодская полиция разогнала собрание, учинив погром.

Полицейские забрали найденные у его участников документы, в том числе все материалы, по которым делала доклад Варенцова. Ольга Афанасьевна, понимая, что ее могут в любой момент арестовать, на другой день нелегально выехала в Москву. Москва бурлила непрерывными стачками. Начали печатники, их поддержали рабочие других фабрик и заводов. Шли митинги и демонстрации. На улицах Москвы то и дело происходили вооруженные столкновения бастующих с полицией и войсками.

В Московском комитете партии работал в то время только что вырвавшийся из тюрьмы Н. Э. Бауман. Нелегальными типографиями руководил один из участников первого иваново-вознесенского марксистского кружка рабочий Н. Н. Кудряшев. Варенцову направили ответственным организатором Егорьевского района.

Московский комитет готовил всеобщую стачку. 6 октября было принято решение о всеобщей политической стачке, которая охватила все промышленные центры и превратилась во всероссийскую. В это время жандармерия и полиция с помощью черносотенцев организуют погромы, провокации и убийства руководителей большевистских организаций. Были убиты Н. Э. Бауман в Москве, Ф. А. Афанасьев в Иваново-Вознесенске.

Погромы прокатились по всей России. Не миновали они и Егорьевска. Ольге Афанасьевне с помощью рабочих удалось скрыться от черносотенцев, она уезжает в Ярославль.

Партия большевиков развернула большую работу в войсках. Создаются военные организации при партийных комитетах. Одной из наиболее крупных была Военная организация при Петербургском комитете большевиков. Туда-то и направляется Варенцова.

Уже осенью 1905 года Ольга Афанасьевна с небольшими перерывами включается в работу Военной организации Петербургского комитета большевиков и вместе с Е. М. Ярославским и Р. С. Землячкой создает кружки в воинских частях, разрабатывает требования солдат и матросов. К числу таких требований относились: сокращение срока службы, отмена телесных наказаний, право читать в казармах газеты и журналы, равенство в правах независимо от национальности и др.

В. И. Ленин писал в ноябре 1905 года: «Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабская превращается в армию революционную»¹.

С февраля 1906 года Варенцова полностью отдается работе в Военной организации Петербургского комитета большевиков. Она занимается печатанием и распространением прокламаций, подпольными явками и связями.

О. А. Варенцова оставила много ценных воспомина-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 12, стр. 112.

ний о работе большевиков в военных гарнизонах. В книге «Военное бюро при МК большевиков» она писала: «Волнения в армии и флоте вспыхивают стихийно в 1905 году. Оставаясь разрозненными, несогласованными с общепролетарскими выступлениями, протекая без твердого партийного руководства, они терпели поражение... В 1917 году уроки прошлого были учтены нашей партией, и с первых же дней Февральской революции она обращает самое серьезное внимание на работу в армии. В февральские дни рабочий класс увлек за собой армию в революционный поток»¹. Ольга Афанасьевна тщательно анализирует сильные и слабые стороны работы большевиков в воинских частях.

Для царской охранки не могла оставаться незамеченной эта наиболее опасная для самодержавия деятельность партии. Началась полоса арестов членов Военной организации. Варенцова, не дожидаясь своего разоблачения и предания военному суду, в середине 1906 года перебирается снова в Иваново-Вознесенск. На нее возлагаются обязанности организатора первого городского района. Вскоре Ольгу Афанасьевну назначают секретарем городского комитета партии. В городе насчитывалось до тысячи большевиков. В этот период Ольга Афанасьевна встретилась с М. В. Фрунзе. Вспоминая потом Михаила Васильевича, она писала, что встретилась впервые с ним летом 1906 года, когда приехала работать в Иваново-Вознесенск. М. В. Фрунзе был тогда 20-летним студентом, работал в Шуе как профессионал.

Обыкновенно другие профессионалы-интеллигенты, проработав в Иваново-Вознесенске три-четыре месяца, заводили разговор: «Надо освежиться».

М. В. Фрунзе в отличие от них буквально вжился в рабочую обстановку, не тяготился ее неустроенностью, не гнушался ее нуждой и грубостью. Имя его, чем дальше, тем больше обрастало легендами. У него были сотни друзей среди рабочих, готовых за него в огонь и в воду².

В Иваново-Вознесенске хорошо работала боевая дружина. М. В. Фрунзе вел с дружинниками занятия по

¹ О. Варенцова. Военное бюро при МК большевиков. М., 1934, стр. 5—6.

² См. «Пролетарская революция», 1925, № 12.

военному делу, обучал искусству ведения уличного боя. Боевые дружины существовали также в Шуе, Родниках, Середе, Кохме.

Среди части дружиинников наблюдались настроения террористического характера. Это сказывалось в ряде вооруженных схваток с отрядами казаков и полиции, нападении на городовых.

Основное ядро партийной организации и партийные комитеты не позволяли увлекаться этими бесплодными, а чаще и прямо вредными действиями. Экспроприации, совершаемые дружиинниками в нарушение установок комитета, разбирались партийным судом и подвергались суровому осуждению, вплоть до разоружения отдельных недисциплинированных дружиинников.

При разборе таких дел в Иваново-Вознесенском комитете иногда возникали резкие споры о мерах воздействия по отношению к дружиинникам между О. А. Варенцовой и склонявшимся к меньшевизму Мороховцом (Валентин). Так, при разборе дела дружиинников, экспроприировавших кассира Кохомской фабрики, Мороховец внес предложение опубликовать их имена в «Ивановском листке» — органе черносотенцев. Ольга Афанасьевна спросила его:

— Может быть, товарищ Валентин, нам лучше самим их повесить? Ведь это честные люди, преданные делу партии, но недостаточно разбирающиеся в политике. Как же вы можете предлагать выдать их на расправу жандармам? Да вас самого за такое предложение надо исключить из партии!

Получив отпор, Мороховец вынужден был заявить, что он «погорячился», и снял свое предложение.

Терпеливо воспитывать рабочих, разъяснять им вредность террора, прививать чувство дисциплины — вот в чем задача руководства, говорила О. А. Варенцова. И рабочие относились к ней с чувством величайшего уважения и теплоты. Берегли ее, как могли, от провала и ареста.

Весной 1907 года партийная организация Иваново-Вознесенска готовилась к большому событию — V съезду партии. Никто не знал, где состоится съезд, но стало известно, что он будет проходить за границей.

Ольга Афанасьевна возглавляла в то время партийную организацию не только Иваново-Вознесенска, но

также Шуи, Кинешмы, Тейкова и других городов и рабочих поселков обширного текстильного края.

По фабрикам проходили предсъездовские партийные собрания, где обсуждались итоги кровавых битв с буржуазией и выбирались представители на конференцию, которая в свою очередь должна была выбрать делегатов на партийный съезд. Время было трудное. То и дело поступали сведения о расправе царской охранки над большевиками.

Иваново-вознесенская организация держалась пока еще прочно, монолитно, но приходилось лишний раз оглядываться, принимать двойные меры осторожности.

Долго Ольга Афанасьевна обсуждала с ближайшими друзьями вопрос о том, где проводить конференцию. Выдвигались разные варианты. Наконец решили провести ее на конспиративной квартире С. И. Балашова (Странника) в Боголюбовской слободе, что находилась за городом, у крутого оврага.

По предложению Варенцовой конференция была назначена на вербное воскресенье. И вот к вечеру в этот день на квартиру Балашова шли в одиночку большевики с букетиками бархатной сероглазой вербы.

Совсем уже смеркалось, когда в квартиру Балашова собирались делегаты из Иваново-Вознесенска, Шуи, Кинешмы, Лежнева, Тейкова.

В комнате было так тесно, что люди сидели на скамейках и на полу, плотно прижавшись друг к другу. Глаза всех собравшихся светились радостью, остроумные шутки поднимали настроение.

Наконец Ольга Афанасьевна открыла конференцию, она сообщила, что иваново-вознесенской организации дано право послать на V съезд партии девять делегатов (это была одна из самых многочисленных делегаций съезда).

Варенцова сообщила также, что, прежде чем выбрать делегатов на съезд, нужно провести дискуссию между большевиками и меньшевиками, яснее провести грань между ними. Однако на конференции не оказалось ни одного меньшевика, не с кем было дискутировать, и тогда Ольга Афанасьевна выступила с большой речью, в которой еще раз вскрыла предательскую роль меньшевизма.

Глубокой ночью закончилась конференция. На съезд выбрали А. С. Бубнова (Химика), И. И. Короткова (Свя-

того), К. Д. Гандурина (Жаворонка) и др. Все очень сожалели, что среди делегатов на съезд нет любимца текстильщиков М. В. Фрунзе, в то время находившегося в тюрьме.

После официальной части участники конференции окружили делегатов предстоящего съезда. Снова начались шутки. Молодой рабочий Костя Гандурин обратился к Андрею Бубнову:

— Ты, Химик, знаешь иностранные языки, тебе что? А как я за границей стану говорить слова «щи» и «каша»?

— Есть захочешь — научишься, — отвечал Бубнов под дружный хохот товарищей.

— Шутки шутками, — вмешалась Варенцова, — а тебе, Бубнов, поручаем руководить нашей делегацией. Подумайте об одежде.

— Уж не надеть ли нам манишки и крахмальные воротнички! — улыбаясь, спросил Костя Гандурин.

— А ты как думаешь? — отозвалась Ольга Афанасьевна, — в промасленной блузке не поедешь, заметут на границе.

Но Костя Гандурин не унимался, продолжая шутить:

— Да я лучше сажень дров расколю без передышки, чем крахмальный ошейник надену.

— Ничего не случится, наденешь, — говорила Варенцова, — жалею, что нет денег в партийной кассе: нечем помочь вам. Ищите галстуки, сорочки и манишки с чужих плеч.

На следующий день делегаты должны были выехать на съезд, поэтому Ольга Афанасьевна еще раз обратилась к ним с напутственным словом:

— Будьте, товарищи, в дороге осмотрительными, как никогда. Провал одного из вас означает потерю большевистского голоса на съезде. Теперь вы себе не принадлежите, помните об этом на всем пути.

Так с напутствием Варенцовой выехали из города делегаты поодиночке, в разных вагонах, переодетые в большинстве случаев в костюмы с чужих плеч.

Между тем жандармерия выхватывала в Иваново-Вознесенске одного большевика за другим. В начале января 1908 года жандармам удается выследить Ольгу Афанасьевну, расшифровать ее партийный псевдоним Екатерина Николаевна. 10 января иваново-вознесенский полицмейстер доносил владимирскому губернатору:

«...Получил агентурные сведения, что проживающая в г. Иваново-Вознесенске Ольга Афанасьевна Варенцова, по профессии домашняя учительница, принимает очень деятельное участие в агитации среди рабочих, стоит кассиром Иваново-Вознесенского-Шуйского района социал-демократической фракции, носит кличку Екатерина Николаевна, была выслана при министре фон Плеве в административном порядке в Вологодскую губернию, откуда скрылась, проживала в гор. Астрахани и около года тому назад прибыла в г. Иваново-Вознесенск. Имея эти данные, я в ночь с 9 на 10 января совместно с приставом в ее квартире, в порядке 21 ст. положения о государственной охране, произвел обыск, которым обнаружил в разных хранилищах до 500 экземпляров разных брошюр нелегального содержания, что свидетельствует о ее политической неблагонадежности. Кроме того, обнаружил много фотографических карточек...»

Схватил господин полицмейстер Варенцову и сам испугался своей смелости: сочинил о 500 экземплярах брошюр, которых Ольга Афанасьевна не держала у себя дома, да для солидности сообщил о фотографиях, позабыв добавить, что они были чисто семейного характера. Ничего дельного он не мог представить в ее обвинение.

Немного добавил через два месяца и исполнявший должность начальника владимирского губернского управления ротмистр Кравцов в своем донесении губернатору.

Однако после этого О. А. Варенцову перевели во владимирскую тюрьму. 15 мая 1908 года она получила постановление министерства внутренних дел о высылке ее в Вологодскую губернию на два года.

В ссылке Ольга Афанасьевна восстановила письменную связь с Москвой, Иваново-Вознесенском, с Заграничным центром, наладила получение нелегальной литературы. В партийной организации Вологды она повела энергичную борьбу с обосновавшимися там меньшевиками. Сколотив крепкое большевистское ядро, занялась пропагандой ленинизма среди учащейся и рабочей молодежи, используя свое право репетировать молодых людей как домашняя учительница.

В 1910 году Варенцова снова приезжает в Иваново-Вознесенск. Ослабленная многочисленными арестами,

ивановская организация была уже не та. Наступившая реакция сказалась и здесь. Профессиональные союзы закрылись, и все попытки к их восстановлению оказались безрезультатными. Фабриканты и полиция торжествовали. В городе была масса безработных.

Почти весь актив иваново-вознесенской организации сидел в тюрьмах или отбывал ссылку. В октябре 1910 года, после более чем двухлетнего пребывания под следствием во владимирской тюрьме, был приговорен к каторжным работам М. В. Фрунзе.

Ольга Афанасьевна, вернувшись в Иваново-Вознесенск, ни на минуту не поддалась унынию и растерянности. Она собирает остатки организации по фабрикам, восстанавливает связь между ними, ищет и подбирает товарищей для будущего состава городского комитета, связывается с Московским областным бюро. По ее настоянию вызывается в Иваново-Вознесенск представитель Московского бюро А. С. Бубнов.

Варенцова приехала в Иваново-Вознесенск в апреле, а в мае ее имя начинает уже проходить по агентурным сводкам жандармского управления. Провокатору под кличкой Владимирац стало известно, что Московское областное бюро готовит совещание социал-демократических организаций Иваново-Вознесенска, Костромы, Владимира, Ярославля с целью оживления работы в этом районе. Он пунктуально докладывал царской охранке обо всех известных ему фактах нелегальной партийной работы и активной роли О. А. Варенцовой.

Ольга Афанасьевна и ее товарищи, почувствовав, что среди них орудует враг, приняли меры предосторожности.

Провокатор не знал, что конференция Иваново-Кинешемского района с участием представителей Костромы, Владимира, Гусь-Хрустального, Ярославля назначена на 25 сентября. Не знал он также, что на собрании иваново-вознесенской группы без его участия провели выборы делегатов, что Варенцовой Московским областным бюро поручено руководить конференцией.

Старый коммунист Федор Степанович Смирнов рассказывает об этом событии так:

— 25 сентября в Кинешме открылась ежегодная ярмарка. На переправе через Волгу, у пристани, собралась многолюдная очередь на паром.

Было условлено, что делегаты на городском пароме переправятся на другой берег Волги. Недалеко от пристани будет стоять человек в рыжей куртке и с часами-будильником в руках. К этому человеку нужно было подойти и спросить: «Скажите, пожалуйста, где живет полковник Брант?» Человек же этот должен был ответить: «Разрешите вас проводить?» Дальше, шагах в пятидесяти от первого, находился второй патруль. Второй указывал на третьего, и таким образом делегат проходил по цепочке людей. Последний патруль провожал его в дом, где собиралась конференция.

Сквозь шумную толпу между сгрудившимися подводами пробиралась сгорбившаяся старушка с плетеной сумкой и жестяным чайником, напоминая собой богохолку. Невдалеке следовали два подозрительных типа, внимательно наблюдая за ней. Когда старушка приблизилась к парню в рыжей куртке, он сделал знак, чтобы она направилась в другую сторону. Она пошла и скрылась за крестьянскими подводами. Подозрительные люди тоже смешались с толпой. Парень в рыжей куртке, убедившись, что старушка избавилась от преследователей, подошел ко второму патрулю, и тот направил ее по правильному маршруту.

Под вечер парень в рыжей куртке, молодой член большевистской кинешемской организации Федя Смирнов, по кличке Дюк, переправился на левый берег Волги и зашагал в село Владычное, а будильник спрятал в карман. В селе, в просторном доме Смирнова, в гостиной собирались люди.

Большой стол был уставлен бутылками с пивом, водкой и красным вином. На тарелках горками наложена попросту, по-деревенски закуска: колбаса, селедка, капуста, огурцы. Гости вели себя необычно: ни к закуске, ни к вину не притрагивались.

Встреченная Дюком «старушка» сидела на самом почетном месте — в переднем углу под иконами — и, по всему было видно, наблюдала за порядком. Гости один за другим, по ее разрешению, вставали и произносили речи. Обращаясь к ней, они почтительно, с уважением называли ее Екатериной Николаевной. А когда говорила Екатерина Николаевна, слушали очень внимательно, и было заметно, что слова ее производили на присутствующих сильное впечатление.

Шел уже двенадцатый час ночи, а на столе все оставалось нетронутым. Дюк часто выбегал на улицу и обходил дом, многозначительно переговариваясь с кружившими неподалеку молодыми парнями. У всех гуляющих до полуночи парней были в руках модные тогда железные трости, отделанные плотно спрессованными берестяными колечками.

Уже за полночь гулявшие парни вдруг оглушительно засвистели; вышедший к ним Дюк схватил с земли камень и стукнул им по наличнику окна.

Из темноты появились конные жандармы и стражники. Они схватили Дюка и забарабанили прикладами винтовок в парадную дверь. Когда дверь открылась, жандармы втолкнули в помещение Дюка, а вслед за ним ворвался ротмистр Орчинский и сразу истерически зардал: «Руки вверх!» Однако гости не испугались, из-за стола не встали, а наконец-то принялись за напитки и закуски.

Сидевший рядом с Екатериной Николаевной очень высокий, рыжеватый, с едва заметными рябинками на лице Григорий Цветков встал и спокойно, с величавой усмешечкой, как будто он и не слыхал истошного крика Орчинского, обратился к ротмистру со словами:

— Господин Орчинский, не желаете ли выпить с нами по рюмочке?

На это ротмистр повысил голос до визга. Он истерически кричал:

— Убрать все со стола! Обыскать каждого! Отобрать все, что обнаружится!

К Орчинскому подошел чисто одетый, солидного вида человек и предъявил удостоверение члена Государственной думы, дававшее ему право на неприкосновенность. Он заявил:

— Я член Государственной думы Сурков. Собравшиеся здесь приглашены мной как мои избиратели для заслушивания доклада о моей работе в Думе. Я имею право отчитаться перед избравшими меня рабочими и протестую против их задержания.

Ротмистр Орчинский, несмотря на протест Суркова, самым тщательным образом обыскал присутствующих, заставляя их даже открывать рты. Обыск не дал жандармам никаких улик (все было своевременно уничтожено или спрятано в неприкосновенных для обыска карманах Суркова).

Всех присутствующих на конференции, кроме Суркова, арестовали и направили в кинешемскую тюрьму.

Когда в коридоре остался только дремавший старик надзиратель, раздался голос Цветкова:

— Товарищи, конференция продолжается!

Три дня выступали один за другим ораторы, обсудили все, что намечалось в порядке дня конференции. Установили связь с волей, писали листовки и обращения к рабочим. Эти листовки печатались в подпольной типографии и распространялись по фабрикам. Потом установили, что конференцию предал М. Смирнов¹, недавно приехавший в Кинешму и принятый в организацию.

Костромское жандармское управление перевело всех арестованных в Кострому. Через три месяца заключенных освободили.

Ольга Афанасьевна узнала, что в Иваново-Вознесенске после ее ареста на квартире родной сестры, Анны Афанасьевны Кондратьевой, был произведен обыск. В руки жандармов попали некоторые документы, по которым ее снова могли арестовать. Тогда Варенцова решила в Иваново-Вознесенск не возвращаться и направилась в Вологду, чтобы переждать несколько месяцев, пока о ней позабудут.

Установив явки и адреса, Варенцова затем переехала в Москву, где проработала 1911—1912 годы. Поддерживая постоянную связь с Иваново-Вознесенском, она снабжала партийную организацию города литературой, посыпала из Москвы на пропагандистскую работу профессионалов-большевиков.

ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

В конце февраля 1913 года царское правительство учинило погром в московской организации РСДРП. В числе арестованных оказалась и О. А. Варенцова. По счету это был ее шестой арест.

Опытность бывалого конспиратора выручила и на этот раз. Следствию не удалось уличить Варенцову ни в чем, кроме принадлежности к РСДРП, чего она и сама

¹ М. Смирнов был расстрелян после Октябрьской революции 1917 года.

не отрицала. Через несколько месяцев тюремного заключения Варенцову выслали на три года в один из самых глухих уголков Олонецкой губернии — Пудожский уезд.

Деревня, в которой было определено ее жительство, затерялась среди непроходимых болот. Сырой, нездоровий климат местности быстро сказался на здоровье Ольги Афанасьевны.

Уездный земский врач, осмотревший Варенцову, дал заключение о немедленной перемене климата, как единственном средстве спасения от острого ревматизма. Тяжелые приступы этой болезни, сопровождающиеся невыносимой ломотой всех суставов, надолго укладывают человека в постель, делают его совершенно беспомощным. Старик врач Пудожской земской больницы принял живое человеческое участие в судьбе Ольги Афанасьевны. Он добился перевода ее из деревни в уездный центр Пудож. Это давало возможность навещать больную во все дни, когда он не был в разъезде.

Варенцова с самого начала своего водворения в этом медвежьем углу стала хлопотать о переводе в один из городов с более сухим и здоровым климатом. После целого года хлопот удалось добиться разрешения переехать в Вологду.

Старые связи с вологодской организацией были быстро восстановлены, а это давало возможность установить контакты с Москвой, Иваново-Вознесенском, Ярославлем, Костромой и другими рабочими центрами.

С начала мировой империалистической войны царское правительство резко усилило преследование революционеров, возобновились репрессии против ссыльных, поднадзорных и арестованных. Ольге Афанасьевне пришлось переселиться из Вологды в Кадниковский уезд той же губернии.

В Каднико в с трудом проникали новости из центра. Однако известия об усиливающейся борьбе рабочих дохали и сюда.

Ольга Афанасьевна пристально наблюдала за событиями в Иваново-Вознесенске, которые произошли летом 1915 года.

10 августа там разыгралась кровавая трагедия у Приказного моста: забастовавшие текстильщики, главным образом женщины, измученные голодом и войной, двинулись к тюрьме, чтобы освободить своих товарищей.

В ответ на это по приказу властей солдаты стали стрелять в рабочих. Мостовая обагрилась кровью убитых и раненых. Когда до Варенцовой дошли известия об этом, сердце ее сжалось от боли и возмущения. Она немедленно написала гневную прокламацию, которая затем была отпечатана в большевистской типографии московского подполья и разошлась почти по всей России.

Позднее, уже в 1923 году, Ольга Афанасьевна снова вернулась к этим событиям, опубликовав в Иваново-Вознесенске статью «Расстрел иваново-вознесенских рабочих 10 августа 1915 года». Она писала: «Мутный поток шовинизма, оборончества, бурно пронесшийся с началом империалистической войны по всей Европе, не увлек иваново-вознесенских рабочих, оставшихся верными своему старому лозунгу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Они не отказались от классовой борьбы, лозунг сотрудничества с буржуазией во имя спасения отечества остался им чуждым»¹.

Рассказывая в своей статье о расстреле безоружных текстильщиков, требовавших хлеба и прекращения империалистической войны, Ольга Афанасьевна призывала бережно хранить имена «мучеников за рабочее дело».

К осени 1916 года кончился срок ссылки О. А. Варенцовой. Она вернулась в Москву и стала работать в областном бюро РСДРП(б). Ей предложили войти в литературную группу, которая занималась изданием и распространением прокламаций и нелегальных газет.

Недавно верная опора царского самодержавного строя, армия истекала кровью, жила в окопах полураздетая, плохо вооруженная и начинала разлагаться. Дезертирство из армии разрослось до небывалых размеров. Не желая бесцельно умирать, солдаты массами сдавались в плен. Росло революционное настроение.

В сентябре 1916 года к О. А. Варенцовой пришел находившийся в Москве в отпуске солдат 479-го Кадниковского полка П. Ф. Федотов. Он рассказал ей об ужасном положении однополчан, бессменно просидевших свыше двух лет в окопах на передовой линии фронта. Он рассказал, что среди солдат все больше и больше растет недовольство царским режимом, что солдаты охотно

¹ «XXV лет РКП (большевиков). Воспоминания иваново-вознесенских подпольщиков». Иваново-Вознесенск, 1923, стр. 151.

слушают социал-демократическую пропаганду, жадно читают изредка попадающие на фронт большевистские листовки. П. Ф. Федотов сам был большевиком-подпольщиком.

Знакомство с Варенцовой превратилось в прочную дружбу с ней. Ольга Афанасьевна снабдила его литературой, большой пачкой газеты «Социал-демократ».

По поручению П. Ф. Федотова к Варенцовой заходили и другие солдаты Кадниковского полка. Благодаря этой связи в полку создалась крепкая фронтовая группа большевиков. Ценность и важность влияния большевистской партии в армии была ясна и понятна.

Но вот грянула Февральская революция, осуществилась мечта рабочих и крестьян о свержении царя. И никто иной, а именно трудовые массы России, руководимые большевистской партией, уничтожили царский трон. Однако буржуазия спешила закрепить власть в своих руках. Временное правительство, опираясь на изменников народа — меньшевиков и эсеров, с первых дней революции стало вынашивать коварные планы расправы с большевиками, объявило продолжение войны до победного конца.

Владимир Ильич Ленин возвратился из-за границы на родину, чтобы возглавить борьбу русского пролетариата за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Работая в то время в Военном бюро при Московском комитете партии, О. А. Варенцова с еще большей острой почувствовала, насколько необходимо усилить большевистское влияние на солдатскую массу. Буржуазия, захватившая власть, пыталась натравить солдат на рабочих, удержать их в повиновении реакционному офицерству, заставить воевать в интересах капиталистов.

Московский комитет большевиков размещался в одной небольшой комнате Капцовского училища. Здесь за столом сидели: секретарь МК Землячка, работники финбюро, бюро Социал-демократической организации Польши и Литвы и А. В. Соколов — убежденный оборонец. Он-то и руководил сначала Военным бюро МК.

Ольга Афанасьевна настойчиво приступает к Землячке с требованием организации настоящей работы Военного бюро с привлечением в него товарищей, связанных с воинскими частями московского гарнизона, спо-

собных наладить связь с фронтовыми воинскими соединениями. Землячка с ней соглашается и говорит:

— Вот ты, очевидно, понимаешь это дело? Так и организуй сама Военное бюро. К нам часто заходят офицеры-большевики Федор Крюков и Сергей Лапшов, бери их в работу.

Вскоре заново созданное Военное бюро МК было сформировано окончательно, и возглавила его Варенцова. Оборонец Соколов в сердцах плонул на порядки новоявленного «командира в юбке» и поспешил сбежать.

Вокруг Ольги Афанасьевны сразу забила жизнь ключом, вспыхнули горячие споры, дискуссии, сюда с утра до вечера шли солдаты — представители частей московского гарнизона.

Члены Военного бюро едва успевали бывать на бесконечных митингах, возникавших в солдатских казармах.

Будучи секретарем Военного бюро, Ольга Афанасьевна положила много сил, чтобы организовать партийные ячейки в частях московского гарнизона. Зная, что среди солдат ведут свою черную пропаганду меньшевики и эсеры, она с помощью своих товарищей повела наступательную агитацию в казармах. Дело пошло настолько успешно, что уже к маю 1917 года во многих воинских частях Москвы организовались большевистские ячейки.

Меньшевики и эсеры, перепуганные влиянием большевиков на солдат, попытались принять меры, затруднившие путь агитаторам в казармы. «Но, несмотря на все рогатки,— писала Варенцова,— агитаторы Военного бюро проникали в казармы, вели там широкую агитацию, разъясняя солдатам империалистический характер войны, разоблачая Временное правительство и соглашательскую политику меньшевиков и эсеров. От солдат разных воинских частей в Военное бюро ежедневно поступали требования о присылке агитаторов»¹.

16 июня 1917 года в Петрограде открылась конференция военных организаций РСДРП(б), на которой присутствовали многочисленные представители московского гарнизона и О. А. Варенцова.

Вспоминая об этом, Ольга Афанасьевна писала: «На конференции раздались голоса... за немедленное выступление с целью низвержения Временного правительства, соглашательских партий и захвата власти большевиками.

¹ О. Варенцова. Военное бюро при МК большевиков, стр. 12.

Ленин доказывал, что соотношение сил таково, что не обеспечивает в данный момент полной победы восстания, подчеркивая, что один неверный шаг с нашей стороны может погубить все дело»¹.

Московские представители вернулись на места с боевым, окрыленным настроением, разъясняя солдатам мудрые ленинские идеи.

У Военного бюро росли самые тесные связи не только с казармами, расположенными в тылу, но и с фронтовыми частями. Только в мае и июне на фронт было отправлено 32 тысячи экземпляров «Социал-демократа», 60 тысяч экземпляров «Солдатской правды», 7 тысяч экземпляров «Правды», 4 тысячи «Программы РСДРП(б)» и тысячи большевистских брошюров. Не надо забывать, что все это делалось с большим трудом, риском, так как Временное правительство и его лакеи меньшевики и эсеры зорко следили за тем, чтобы на фронт не проникала большевистская литература.

Если солдаты гарнизона при выборах в Московскую городскую думу отдавали свои голоса меньшевикам и эсерам, то теперь круто повернули в сторону большевиков. При выборах в районные думы 90 процентов гарнизона проголосовало за большевиков. Меньшевиков и эсеров стали просто прогонять с трибун на солдатских митингах.

Вскоре МК РСДРП(б), а вместе с ним и Военное бюро перебираются из Капцовского училища в гостиницу «Дрезден» и превращают ее в главный штаб и крепость большевистской организации.

После июльских событий в Петрограде Временное правительство стало на путь репрессий. У революционных частей начали отбирать оружие под предлогом отправки на фронт; отдавались приказы о переводе воинских частей в другие города и на передовую линию.

В Двинске были арестованы и посажены в тюрьму большевистски настроенные солдаты. Часть арестованных (860 солдат) под усиленным конвоем доставили в Москву и заключили в Бутырскую тюрьму. Двинцы должны были предстать перед военным судом.

В тюрьме они объявили голодовку. Заключенные из тюрьмы связались с Военным бюро. О их гневном про-

¹ О. Варенцова. Военное бюро при МК большевиков, стр. 13—14.

тесте появилось сообщение в газете «Социал-демократ». Волна митингов за освобождение двинцев прокатилась по всем заводам и воинским частям Москвы, солдаты гарнизона требовали похода к Бутырской тюрьме.

— Разгромим тюрьму и силой освободим двинцев, — говорили они.

Командование вынуждено было освободить заключенных из тюрьмы. Двинцы в походном порядке двинулись прямо к помещению МК РСДРП(б) и устроили митинг перед зданием.

«Много было радости, — писал потом в своих воспоминаниях Федотов, — когда мы снова увидели незабвенных друзей своих — Ольгу Афанасьевну Варенцову, Емельяна Ярославского и других членов МК».

На митинге двинцы заявили, что они передают себя в полное распоряжение Военного бюро Московского комитета. Из их состава были созданы 37 агитаторских групп. Эти группы пользовались большим авторитетом как в воинских частях, так и на предприятиях Москвы.

К октябрьским дням 1917 года маленькая группа членов Военного бюро МК, размещавшаяся за одним столиком в общей комнате, выросла в мощный боевой штаб.

Вечером 25 ~~октября~~ 1917 года по инициативе Московского областного бюро РСДРП(б) созывается объединенное совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. На повестке дня ~~стал~~ вопрос о «вооруженном восстании». Здесь же был избран Военно-революционный комитет. В районах создаются специальные боевые тройки-штабы для оперативного руководства вооруженным восстанием. Ольгу Афанасьевну Варенцову направляют в штаб самого крупного в Москве — Городского района.

На территории этого района находились: Московский Совет со штабом восстания, городская дума со штабом контрреволюции, почта, телеграф, телефонная станция, гостиница «Метрополь», занятая контрреволюционным офицерством и юнкерами, и, наконец, Кремль, за стенами которого разместились главные силы противника.

О. А. Варенцова возглавила разведку и инструктаж командиров отрядов, приняла деятельное участие в разработке оперативного плана тройки, проверяла выполнение приказов и охрану почты и телеграфа.

В распоряжении тройки Городского района для связи и разведки находился отряд двинцев под руководством большевика Васильева.

Среди общей солдатской сутолоки в помещении боевой тройки отряд двинцев выделялся своей выпавкой и устрашающим обилием оружия. Командир отряда Васильев, в высокой папахе с красной лентой и пулеметными лентами поверх шинели, носил два нагана, шашку и четыре гранаты. Почти так же были вооружены и его подчиненные. То один, то другой вытягивались они перед Ольгой Афанасьевной и, выслушав ее указания, немедленно отправлялись выполнять поручение.

В день решающего штурма Кремля Варенцова вместе с солдатами-двинцами находилась на Красной площади против Никольских ворот.

На улицах города продолжались ожесточенные бои. На Красную площадь отряды красногвардейцев шли под непрерывным обстрелом врага, ведущего огонь со стен Кремля.

В эти страшные и вместе с тем решающие минуты О. А. Варенцовой доложили, что в помощь контрреволюции по железной дороге прибывают свежие подкрепления. Тогда Ольга Афанасьевна сама немедленно отправилась к рабочим-железнодорожникам, чтобы поднять их и преградить путь вражескому пополнению.

Ей быстро удалось поставить в засаду вооруженных железнодорожников, готовых встретить огнем приближающиеся эшелоны. Однако произошло неописуемо радостное событие. Варенцова вдруг заметила, что из вагонов выглядывают ее старые боевые друзья — иваново-вознесенские, владимирские, ярославские. Оказалось, всех их привел в помощь Москве М. В. Фрунзе.

Московским комитетом прямо с вокзала часть отряда была направлена на Красную площадь. Бой разгорался, и скоро с помощью артиллерии удалось сделать пробоину в Кремлевской стене, куда кинулись отважные бойцы, чтобы открыть Никольские ворота для победоносного входа своим товарищам. Через Спасские ворота в Кремль ринулись отряды других районов.

Сражение не утихало, а, наоборот, возрастало с еще большим ожесточением, и только к половине следующего дня силы врага были сломлены. Москва торжествовала победу.

Ольга Афанасьевна продолжала работать в Военном бюро МК. Теперь появились новые заботы: массы демобилизованных солдат с фронта приносили много неотложных хлопот.

В период октябрьских событий Ольге Афанасьевне было уже 55 лет. Но ни возраст, ни болезни, вызванные царскими преследованиями, тюрьмой и ссылками, не могли охладить революционного жара ее души. Перед ней открывались широчайшие горизонты общественно-политической и партийной работы. Она с небывалым воодушевлением шла навстречу новым делам.

После бурных дней борьбы за установление Советской власти в Москве, в которых Варенцова принимала самое деятельное участие, она почувствовала резкое ухудшение здоровья. Бюро Московского комитета направило ее лечиться в Пятигорск.

Путь был трудным, всюду шла гражданская война. Пришлось ехать дальними обходными дорогами, и только в ноябре 1918 года она добралась до места.

Из Пятигорска Ольга Афанасьевна выбиралась с большим трудом. «На обратном пути,— писала она,— проехала всю калмыцкую степь, километров 500 на грузовом автомобиле между двумя бочками бензина. Возвращаясь в Москву уже в 1919 году и работала в Бюро военных комиссаров».

По просьбе ивановцев Центральный Комитет партии в августе 1919 года направляет Ольгу Афанасьевну Варенцову в Иваново-Вознесенск. Здесь ее избирают секретарем губкома РКП(б).

СНОВА В РОДНОМ ГОРОДЕ

В трудную для молодой Советской республики годину приехала Ольга Афанасьевна в родной город...

Иваново-Вознесенск среди своих соседей — Шуи, Владимира, Ярославля, Суздаля — самый молодой. В нем не встретишь следов седой старины, древних построек вроде Золотых ворот во Владимире или сузdalского кремля. На долю города ткачей выпала другая участь.

Не успел он появиться на карте Российской империи, как сначала глухой ропот, а потом твердая поступь революционных текстильщиков приняли угрожающий характер для самодержавия...

Революционное подполье города выдвинуло и воспитало целую плеяду видных деятелей нашей партии, таких, как М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов, П. П. Постышев, Ф. Н. Самойлов и, конечно, О. А. Варенцова.

Когда Ольга Афанасьевна в середине 1919 года приехала в Иваново-Вознесенск, он представлял собой ужасное зрелище. Правда, благодаря настойчивым и энергичным мерам, принятым М. В. Фрунзе, город стал центром новой губернии, но самого Фрунзе в городе уже не было: он вместе с лучшими сынами текстильного края ушел на фронт защищать молодую Советскую республику. Вслед за Фрунзе Иваново-Вознесенск покинули и другие руководящие работники партийного и советского аппарата. Фабрики стояли из-за отсутствия сырья и топлива. Город задыхался от безработицы, а тут еще проклятый голод уносил в могилу мужчин, женщин, детей.

«Крупное производство,— писала Варенцова в одной из своих статей,— разрушилось. Уныло и молчаливо стояли наши фабрики в течение целого года без всяких признаков движения и жизни. Иваново-вознесенские рабочие переживают мучительную полосу жестокой нужды и безработицы»¹.

Варенцову радостно встретили в родном городе. Все знали ее революционный опыт, чуткость, заботливость по отношению к людям. Особенно радовались исстрадавшиеся работницы.

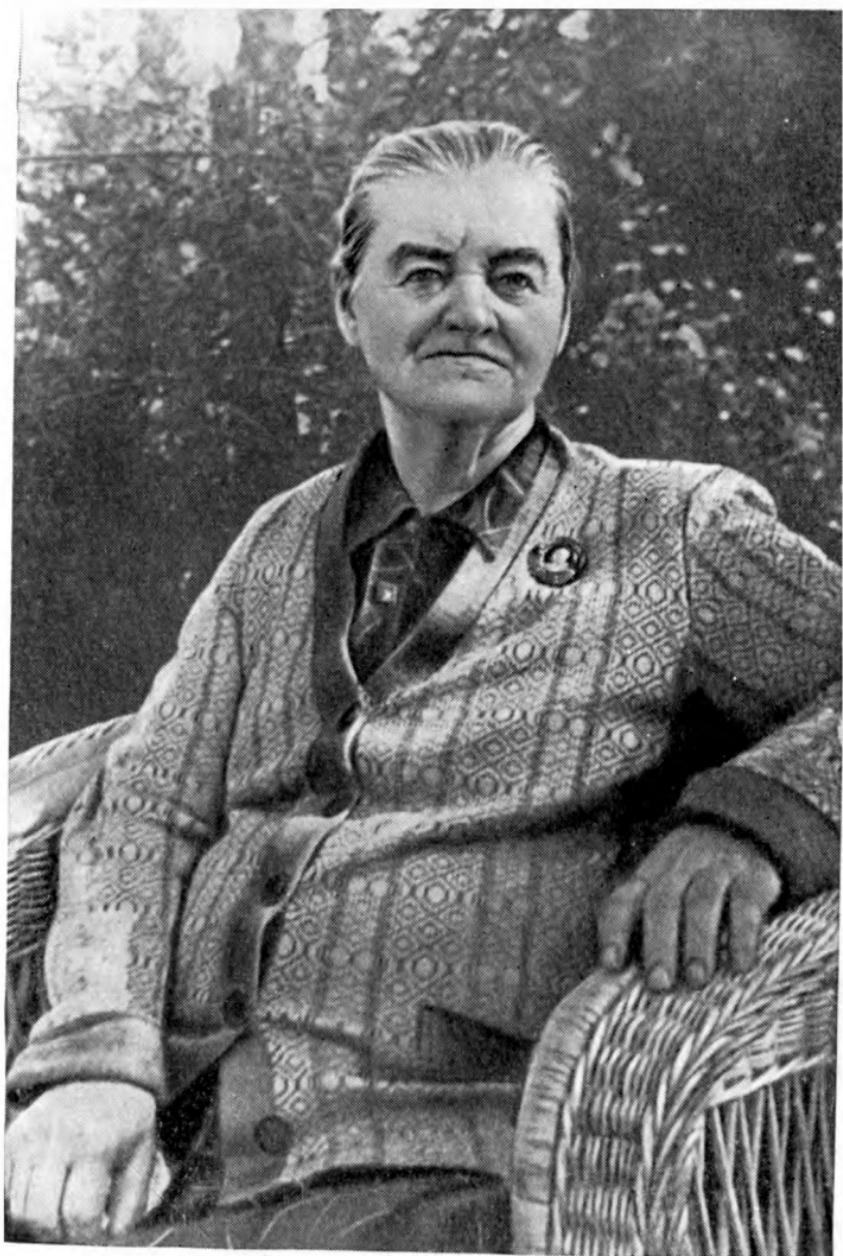
Но что можно было сделать сразу в обстановке разрухи, голода и эпидемий? Ведь даже самые лучшие личные качества руководителя не могли вдруг произвести какой-то заметный поворот. Варенцова понимала это и прежде всего начала организовывать и подбирать кадры для совместной работы.

Как бы важно теперь пустить фабрики, дать людям работу, поддержать главный источник жизни десятков тысяч текстильщиков. Без этого день ото дня становилось все труднее и труднее. Но Ольга Афанасьевна очень хорошо понимала первоочередные задачи времени.

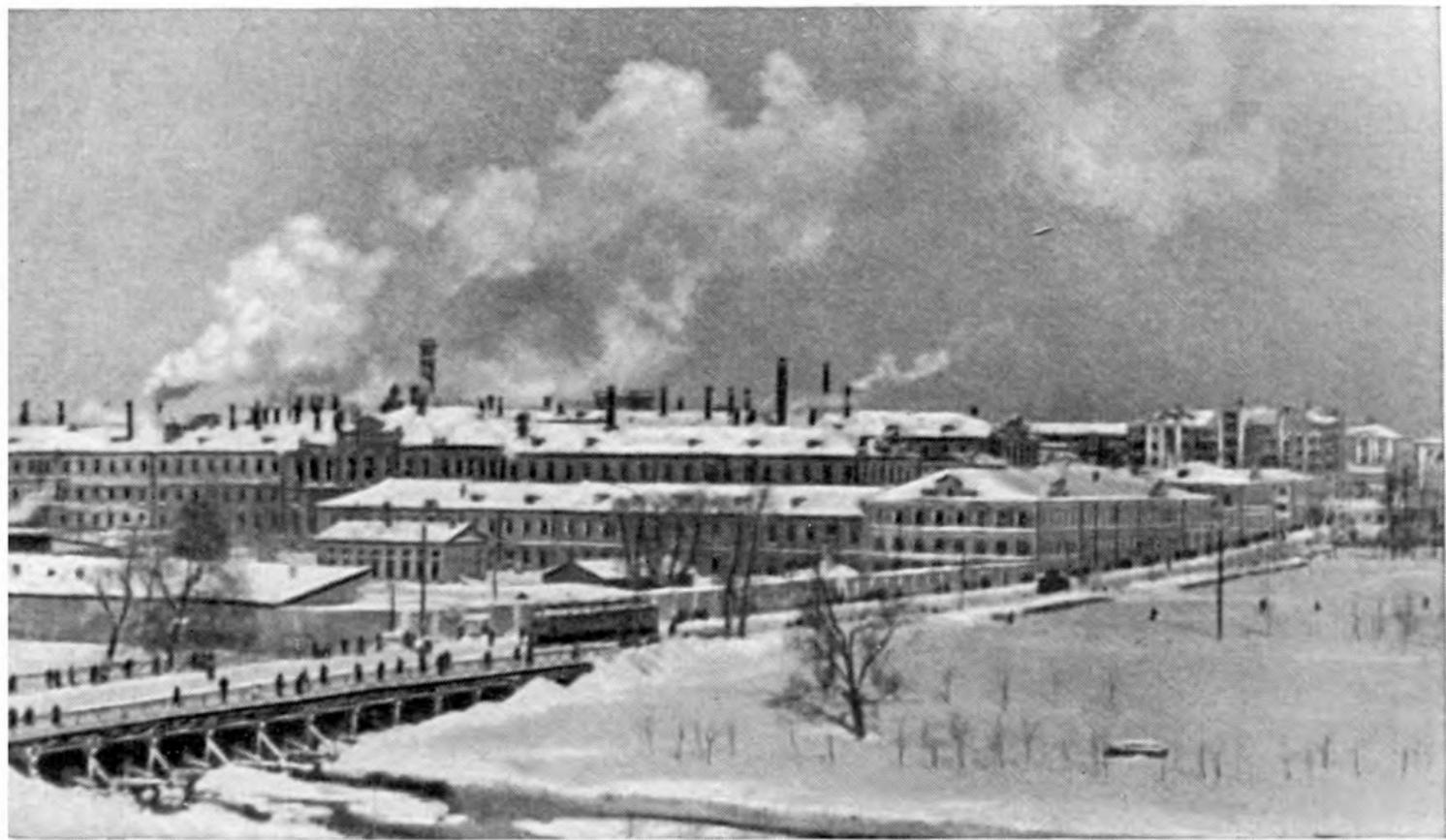
Помощь фронту — первый неотложный вопрос, который пришлось решать Варенцовой и ее товарищам по работе.

Там, на полях сражений гражданской войны, решалась участь революции. Владимир Ильич Ленин лично

¹ «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник», 1921, стр. 76.

О. А. ВАРЕНЦОВА
1940 г.

ИВАНОВО. «БОЛЬШАЯ ИВАНОВСКАЯ МАНУФАКТУРА ИМЕНИ О. А. ВАРЕНЦОВОЙ»

руководил обороной Советской республики. Он обращался с призывом к рабочим Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска отдать все силы фронту.

От 16—17-летних юношей до седоволосых тружеников текстильщики уходили на войну. Их можно было встретить на всех фронтах, и всюду они отличались мужественной, наступательной силой. Оставшиеся в городе жены красноармейцев, неспособные носить оружие старушки и дети терпели несказанную нужду.

В то время Ольге Афанасьевне шел 58 год. Она на 20—30 лет была старше любого из членов бюро губкома партии. Однако она оставалась подвижной, энергичной, тщательно скрывала свои физические недомогания, и глаза ее, как и прежде, светились непоколебимой верой в счастливый исход борьбы.

В первые же дни работы на посту секретаря губкома партии Варенцовой пришлось столкнуться с угрозой голода. Люди считали роскошью картофельные очистки и отруби, которых тоже не хватало. Губернский продкомиссар М. З. Мануильский не раз на бюро губкома докладывал:

— Запасов продовольствия нет. Надежды на получение нарядов тоже нет. За месяц рабочие города получили по три фунта соли, до трех фунтов сахара и до одного фунта мыла. Дополнительно выдается технический крахмал, имевшийся в запасе на фабриках для шлихтования пряжи.

Бюро губкома решает послать телеграмму командующему Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и чрезвычайному уполномоченному по снабжению Туркестанского фронта земляку-революционеру И. Е. Любимову с просьбой о содействии отгрузки хлеба в Иваново-Вознесенск.

Но нет ни вагонов, ни паровозов. Ольга Афанасьевна просит металлистов помочь железнодорожникам в ремонте подвижного состава, чтобы сформировать поезд. Но сформированный ивановцами поезд Наркомпрод решает использовать для общих целей, к тому же придрячива запрашивает: «Откуда для поезда взялся паровоз?»

Варенцова обращается лично к В. И. Ленину с просьбой призвать к порядку работников Наркомпарта.

Владимир Ильич, возмущенный бюрократическим отношением аппарата Наркомпрода, требует ревизии работы этого учреждения. Вопрос решается положительно в пользу ивановцев. Иваново-Вознесенск благодаря инициативе Владимира Ильича приравнивается по снабжению продовольствием к Петрограду и Москве.

Кроме острой продовольственной нужды город испытывал и другие трудности. Контрреволюционные элементы — остатки черносотенцев, эсеры и торговцы — выступали с клеветой на коммунистов, устраивали провокации. Однажды они собрали толпу обывателей у горсовета с целью «замутить воду».

Пошумев у горсовета несколько часов, анархисты и эсеры приняли решение созвать на следующий день собрание рабочих в столовой фабрики Гарелина для выработки требований к большевикам. Очевидно, у вожаков антисоветского митинга еще не было готовой резолюции.

Бюро губкома собралось на экстренное совещание, чтобы обсудить создавшееся положение. Иван Петрович Фирстов, бывший тогда председателем горсовета, изрядно напуганный «демонстрацией», выступил с предложением запретить проведение собрания.

Выслушав Фирстова, Ольга Афанасьевна стала супротивой. Впервые члены губкома видели всегда спокойную, уравновешенную идержанную в выражениях Варенцову в таком состоянии.

Отвечая Фирстову, она заявила:

— Что это такое? Кто мы здесь такие, чтобы запретить собрание рабочих? Уж не послать ли нам курсантов командных курсов на собрание и приказать им разогнать рабочих? Как это ты, товарищ Фирстов, додумался до такой мысли? Коммунист ты или бюрократ? Я предлагаю и настаиваю: собрание рабочих провести, как они того пожелали. Руководство собранием взять в свои руки, пойти на него всем составом бюро губкома. Известить партийный актив фабрики. Чтобы ни один милиционер к собранию и близко не подходил.

На другой день стены столовой при фабрике Гарелина ломились от набившихся в нее рабочих. После лживых истерических выступлений эсеров и анархистов выступила О. А. Варенцова. Обращаясь к собравшимся, она заявила:

— Нам здесь предлагаю позвать на помощь бывших

торговцев Куражева, Лоханина и др. А скажите, когда это было, чтобы куражевы и лоханины о нас заботились?

Рабочие притихли, внимательно слушая Ольгу Афанасьевну, а она взволнованно продолжала:

— Ваши мужья и братья сражаются на фронтах гражданской войны против своих и иностранных капиталистов, они уже разгромили Колчака и Деникина, а нам здесь предлагают передать экономическую, а вместе с тем неизбежно и политическую власть, посадить себе на шею фабрикантов и торговцев и тем самым всадить нож в спину доблестной Красной Армии. Враги понимают, куда они гнут. Они не устояли против рабочих на фронте, так хотят дезорганизовать их в тылу.

Далее она уже спокойно рассказала собранию о тех мерах, которые принимают губком партии и губисполком по снабжению города и губернии хлебом. Рассказала, какую помошь оказывают ивановским рабочим красноармейцы Туркестанского фронта, где командует М. В. Фрунзе, рассказала о повседневной заботе Владимира Ильича Ленина.

Собрание приняло резолюцию полного доверия Советской власти и партии большевиков, осудило провокационную, предательскую деятельность эсеров, меньшевиков и анархистов. Тут же решили послать приветствие доблестным бойцам Красной Армии и М. В. Фрунзе.

Много таких событий, подобно нежданным вихрям, врывалось в повседневную деятельность губкома партии и его секретаря. Много бурных, экстренных собраний приходилось проводить ивановским большевикам. Нередко такие собрания начинались возбужденными выкриками провокаторов или терзавшим душу плачем действительно измученных и усталых женщин-работниц. Но всегда они заканчивались дружным пением «Интернационала», после чего текстильщики расходились с неугасаемой верой в свое правое дело.

Мобилизую все силы для фронта, губком партии во главе с Варенцовой развернул широкую работу среди женщин. Текстильный край издавна считался по своему рабочему профилю в основном «женским», и это особенно бросалось в глаза теперь, когда почти все мужчины, способные носить оружие, ушли на фронт.

Ольга Афанасьевна, больше чем кто-либо, понимала, насколько важно организовать работниц на общественно-

полезные дела, какую громадную силу могут представлять собой женщины, если их энергию направить на решение острых, не терпящих отлагательства задач революции.

Вокруг Варенцовой образовался большой актив, среди которого были такие энтузиастки по работе среди женщин, как П. Я. Воронова, М. А. Шустова, К. С. Батурина, Т. В. Столбова и др., сохранившие до наших дней светлые воспоминания о тех далеких грозовых годах. Все они, в то время молодые коммунистки, не покладая рук работали по организации швейных мастерских, готовивших обмундирование фронтовикам.

«Руководители нашей губернской парторганизации О. А. Варенцова, а позднее И. И. Коротков, — рассказывает П. Я. Воронова, — придавали большое значение массовой политической работе среди женщин... Начали мы с того, что поставили на бюро губкома вопрос о привлечении всех коммунисток к работе среди женщин в качестве организаторов, пропагандистов, агитаторов. 25 сентября 1919 года была созвана губернская конференция коммунисток. В своем выступлении секретарь губкома РКП(б) О. А. Варенцова призывала работниц и крестьянок на борьбу с голодом, тифом, разрухой, готовить замену уходящим на фронт, крепить тыл и всеми силами помогать Красной Армии»¹.

В начале ноября по инициативе Варенцовой открылась 1-я губернская конференция, на которой присутствовало 450 делегаток города и деревни.

Женщины проявляли невиданную активность. Рассказы делегаток о трудностях работы на фабриках, в деревне не были похожи на жалобы, на «бабье» нытье. В них звучала непоколебимая вера в победу, в лучшую жизнь.

На трибуну выходили одна за другой женщины-коммунистки Платова, Полякова, Батурина, Новожилова и др.; они требовали, чтобы их тоже посыпали в Красную Армию наравне с мужчинами, посыпали бойцами, санитарами, политическими работниками. Все они были плохо одеты, у многих рваные башмаки, да и на самой Варенцовой простенькая, ее неизменная серая вязаная

¹ «Грозовые годы. Воспоминания старых коммунистов». Иваново, 1961, стр. 304.

блузка и очень поношенные туфли. Но зато, как цветы яркого мака, почти на всех — кумачовые платки, а в глазах восхищение тем, что они стали подлинными хозяевами фабрик и полей.

После этой конференции женотдел губкома преобразился. В его комнату с утра до позднего вечера шли работницы и крестьянки решать насущные вопросы, и все они находили в лице Ольги Афанасьевны чуткого товарища и доброго советчика.

В подвальном этаже губкома открылась своеобразная швейная фабрика. Делегатки принесли сюда свои швейные машины. Шили белье для фронта и госпиталей.

П. Я. Воронова в своих воспоминаниях рассказывает: «В пошивке белья для армии участвовали массы женщин... Я помню, мы раздали большое количество мануфактуры женщинам для пошивки мужского белья на дому. На бюро губкома кто-то спросил меня: «А принесут ли сшитое белье?» Я уверенно ответила: «Обязательно принесут». А сама подумала: а вдруг не принесут? Народ обносился за годы войны, во всех семьях страшная нужда... В установленный срок все готовое белье было принесено. В дополнение к этому многие женщины принесли из дома вещи, оставшиеся после сына, брата или мужа»¹.

Вот как велика была сила патриотических чувств работниц! Они готовы идти на любые жертвы, отдать все до последней нитки для спасения молодой Советской Родины.

Но ивановские работницы совсем не желали ограничиться только шитьем белья для фронта. Нет! Они сами хотели участвовать в боях и все настойчивее требовали посыпать их на передовую линию огня.

Старая коммунистка К. С. Батурина рассказывает следующий волнующий эпизод: «Кое-кому из коммунисток удается пробраться к столу отборочной комиссии. И вдруг слышим: «Отойдите, девчата, от стола... На вас мобилизация пока не распространяется!» ...Что только не посыпалось в адрес комиссии, каких только резких упреков, насмешек не услышали неповинные члены комиссии: «Безобразие!! Только кричите о равноправии»... «Товарки! — раздается звонкий голос Дуси Поляковой.—

¹ «Грозовые годы. Воспоминания старых коммунистов», стр. 310.

Чего ждем, пошли к секретарю губкома». Быстро было отобрано несколько человек, которые и направились к секретарю губкома партии Ольге Афанасьевне Варенцовой с категорическим требованием: включить всех желающих женщин-коммунисток в списки добровольцев, отправляемых на фронт... Помнится, произошел примерно следующий разговор: «Что вас так много сразу, чем вы так взволнованы?» — спросила Ольга Афанасьевна. От обиды и возмущения делегатки не могли вымолвить ни одного вразумительного слова, а затем заговорили все разом: «Не согласны мы. Почему такая несправедливость? Разве хуже их мы владеем винтовкой?..» «Правильно вы, товарищи, ставите вопрос,— ответила Ольга Афанасьевна,— сегодня на заседании губкома будет обсуждаться этот вопрос и губком вынесет свое решение»¹.

И действительно, бюро губкома партии приняло постановление, в котором говорилось: «Каждая ячейка, уездная и прочие организации обсуждают и утверждают кандидатуры не только мужчин, но и женщин, пригодных для фронта или заявивших о своем желании поехать на фронт».

Теперь женщины с гордостью подняли свои головы: они не только шили белье для мужчин-фронтовиков, но брали винтовку, тренировались в стрельбе, готовясь встать в боевые ряды Красной Армии.

И когда 22 октября 1919 года на городской площади выстроился новый отряд текстильщиков-коммунистов, уходивших на фронт, среди них была 51 женщина. Не беда, что им пришлось самим укорачивать рукава и полы шинелей, они бодро смотрели в будущее. И некоторые из них, подобно ткачихе-коммунистке Фране Платовой, подымались в красных косынках и с заплечными мешками на трибуну, произнося незабываемые прощальные речи, полные неудержимой страсти, огня и веры в победу.

Насколько серьезный вклад внесли иваново-вознесенские большевики в помощь фронту, видно из того, что В. И. Ленин лично встретился с ивановцами и выступил перед ними с речью 24 октября 1919 года в Голубом зале Дома союзов, в Москве.

¹ «Грозовые годы. Воспоминания старых коммунистов», стр. 275—276.

Весь 1920 год прошел также в партийных мобилизациях на фронт. Уже в январе в 9-ю армию ушли 22 женщины, в августе — сентябре отбыл из города отряд красных сестер в количестве 100 человек.

Почти с каждой из коммунисток, вставших под винтовку, Ольга Афанасьевна считала своим непреклонным долгом побеседовать, сказать теплое напутственное слово. Об этом, например, рассказывает в своих воспоминаниях ветеран революции Анна Федоровна Волкова. В те далекие годы она была чекисткой, затем секретарем губкома комсомола. Узнав, что Аня Волкова уезжает на фронт, Варенцова пригласила ее к себе.

— Ну как, решила бесповоротно? — спросила она. — А что в семье говорят? Мать-то, наверное, плачет, жалеет?

— Нет, плакать не плачет, — ответила Аня, — а, как всякая мать, жалеет, конечно.

— Да, — вздохнула Ольга Афанасьевна, и лицо ее вдруг стало суровым, — понимает твоя мама, конечно, что, пока мы не отобьемся от всех врагов, житья нам не будет. Знаю, трудно станет матери без тебя: на руках ее пять малолетних детей. Но ты скажи ей, что в случае пусты приходит сюда, прямо ко мне, — найдем возможность помочь.

Так, с задушевным, материнским словом уходили от Ольги Афанасьевны девушки и женщины на фронт, зная, как нелегко ей самой было в царских тюрьмах и ссылках. И сколько истинных героинь, покрывших себя неувядающей славой, было среди текстильщиц, которые прошли страдные пути-дороги гражданской войны!

В ноябре 1920 года губком РКП(б) принимает решение о новой партийной мобилизации на фронт. Этим решением предлагалось выделить от 20 до 50 процентов коммунистов в ряды Красной Армии.

Из губернии на фронт уходили один отряд за другим. Покидая родной город, тепло прощаясь с О. А. Варенцовой и всеми, кто приходил провожать, отезжающие клялись, что не пожалеют своей жизни в борьбе с врагами Советской республики.

Об участии ивановцев на фронтах гражданской войны заслуженно написаны целые книги. Но пожалуй, ярче и вдохновеннее всех сказал об этом Д. Фурманов в своем бессмертном романе «Чапаев»: «И где их, бывало, где

ни встретиши: у китайской ли грани, в сибирской тайге, по степям оренбургским, на польских рубежах, на Си-
вашие у Перекопа,— где они не были, красные ткачи, где
они кровью не полили поле боя? То-то их так берегли,
то-то их так ~~стегали~~, то-то их так любили и так нена-
видели; оттого им память — как песня сложена по бес-
крайним равнинам советской земли»¹.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграла О. А. Варенцова в 1919—1920 годах по мобилизации в губернии новых сил для фронта. Это были годы, когда в не- вероятно тяжелых условиях Красная Армия определила исход борьбы на полях гражданской войны. В решающих битвах ивановцы покрыли себя неувядающей славой.² Не случайно В. И. Ленин говорил: «Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах»².

Интересный, яркий и строго документальный материал Ольга Афанасьевна опубликовала в 1921 году на страницах «Иваново-Вознесенского губернского ежегодника». С полным основанием, приводя многочисленные факты о героизме ивановцев на гражданской войне, она писала: «В обороне социалистического Отечества иваново-вознесенским рабочим принадлежит одно из первых мест. Иваново-вознесенцев можно было встретить на всех фронтах, во всех отраслях военной, советской и партийной работы»³.

В том же «Ежегоднике» Ольга Афанасьевна оставила страницы интересных воспоминаний о том, как проводилась партийная и массово-политическая работа в 1920 году. Она рассказала о «неделе фронта и транспорта», «неделе трудового фронта», «неделе сельского хозяйства», «продовольственном месяце» и многих других мероприятиях, в которых принимали участие десятки тысяч тружеников Иваново-Вознесенской губернии.

Большая заслуга принадлежит Ольге Афанасьевне Варенцовой в пуске ряда замороженных фабрик. В усло-

¹ Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. I. М., 1960, стр. 36.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 40, стр. 296.

³ «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник», 1921, стр. 78.

виях постоянной мобилизации сил для фронта она принимает меры к тому, чтобы ожили мертвые корпуса, сократилась безработица и текстильщики стали бы выпускать советские ткани.

Некоторые запасы сырья — пряжа, суворье, красители — сохранились. Успехи на Туркестанском фронте открывали возможности получить хлопок.

Труднее всего было с топливом. Под председательством Г. К. Королева создается особая комиссия, которой поручают учесть все наличие сырья на фабриках, организовать ремонт машин и энергетического оборудования, учесть и подобрать кадры квалифицированных ткачей, прядильщиков, ситцепечатников, ремонтных рабочих для фабрик, намеченных к пуску.

Уже к концу 1919 года установили, что при условии помощи центра топливом Иваново-Вознесенская губерния могла бы дать из наличного сырья до 150 миллионов аршин ткани. Наметили фабрики, которые можно пустить в первую очередь. Этую группу предприятий назвали ударной.

Губком провел специальную мобилизацию коммунистов-текстильщиков и создал из них на ударных фабриках крепкие партичайки. В каждую из ячеек послали ответственных уполномоченных губкома.

В Москву с предложением о возможности пуска фабрик была командирована группа ответственных работников, возглавляемая Г. К. Королевым.

Ивановцев принял В. И. Ленин, подробно интересовался планом пуска фабрик и обещал всяческую помощь и поддержку Совнаркома.

В Москве по указанию В. И. Ленина созываются межведомственные совещания заинтересованных наркоматов и утверждаются на заседании Совета Труда и Обороны мероприятия по оказанию помощи Иваново-Вознесенску продовольствием и топливом.

В связи с пуском группы фабрик был создан «Ударный комитет» под руководством Г. К. Королева.

В городах и деревнях отобрали и закрепили за отдельными фабриками 25 тысяч рабочих и работниц текстильщиков. 27 сентября 1920 года в газете «Рабочий край» О. А. Варенцова писала:

«...Сегодня снова оживут наши фабрики, задымятся фабричные трубы, раздастся призывный гудок, задвига-

ются станки, машины. Рабочие снова возвратятся в фабрики, где ранее работали, но не в старые фабрики, где царило самовластие хозяина, а в новые, пролетарские фабрики, где будет хозяйствовать, господствовать свободный творческий труд».

А как радовался этой трудовой победе иваново-вознесенских рабочих В. И. Ленин! 21 ноября 1920 года, выступая на Московской губернской конференции, Владимир Ильич с нескрываемым волнением сообщил:

«Иваново-Вознесенская губерния стала пускать свои фабрики в ход. Вначале работало не более $\frac{1}{4}$ миллиона веретен, в настоящее время работает уже полмиллиона, до 600 000, к концу года мы рассчитываем развернуть до миллиона, а в будущем году думаем довести до 4 миллионов веретен»¹.

Одна за другой приводились в действие фабрики Иваново-Вознесенской губернии — гигантского текстильного центра Советской страны.

Немалую роль ивановцы сыграли в сплочении партийных рядов вокруг ленинского ЦК, в борьбе с троцкистами и их подпевалами. В канун X съезда РКП(б) троцкисты развернули предательскую фракционную деятельность и навязали партии дискуссию о профсоюзах.

В этой обстановке не обошлось без дискуссий в иваново-вознесенской партийной организации. Ольга Афанасьевна занимала в предсъездовской дискуссии позицию ЦК партии во главе с В. И. Лениным и безоговорочно поддерживала взгляды Владимира Ильича на профсоюзы как на школу коммунизма. Вместе с О. А. Варенцовой эту позицию занимало большинство иваново-вознесенской партийной организации. Делегаты от Иваново-Вознесенской губернии ехали на X съезд РКП(б) с резолюцией безусловной поддержки ленинской линии внутри партии.

Нельзя не сказать о многосторонней работе О. А. Варенцовой среди молодежи, ее чутком и внимательном отношении к ней. Она, как заботливая мать, беспокоилась о том, чтобы молодежь воспитывалась на лучших революционных традициях и становилась достойной смелой старшим товарищам. Любое их дельное начинание спешила поддержать, дать добрый совет, нередко сама

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 42, стр. 26.

включалась в дела, начатые по инициативе комсомольцев. До сих пор в Иванове можно встретить немало живых свидетелей, которые рассказывают об этом яркие эпизоды.

В здании губкома РКП(б) находился клуб коммунистов, куда собирались большевики почитать газеты, побеседовать между собой о делах минувших и настоящих, послушать самодеятельных артистов и музыкантов. Ольга Афанасьевна позаботилась, чтобы клуб посещали и комсомольские активисты. Один из таких молодых участников клуба, А. Х. Медников, рассказывает, как О. А. Варенцова помогала молодежи.

Однажды к ней пришел секретарь губкома комсомола Сергей Осипов с группой комсомольцев.

— Помогайте, Ольга Афанасьевна, задумали выпускать молодежную газету.

— Хорошо, очень хорошо,— ответила она,— впрочем, садитесь чай пить. За чаем и поговорим. Правда, настой морковный, а вместо сахара я вас угощу сахарином. Думаю, не обидитесь?

Так, прямо в кабинете, за чашкой чая, стал обсуждаться вопрос об издании молодежной газеты.

— Бумаги у нас нет,— сказал будущий редактор Саша Тимонин,— нет линолеума для клише, да и типография отказывается, шрифтов не хватает.

Ольга Афанасьевна задумалась, потом, приветливо улыбаясь, сказала:

— Бумаги я на первые два номера дам. Верно, она плохая — желтая, оберточная, но вы не смущайтесь: и на плохой бумаге хорошие слова имеют большую силу. Мы на такой же бумаге нередко прокламации при царе печатали, а ведь их нарасхват брали.

Потом Ольга Афанасьевна встала из-за стола, внимательно оглядывая свой кабинет. После некоторой паузы сказала.

— Вот с линолеумом я вам помочь не могу, впрочем, возьмите отсюда эту маленькую дорожку, ее вам на первое время хватит. Только завхозу губкома не говорите,— в шутку добавила она,— а то он ругаться будет. Что же касается типографии — делайте сами, там ведь у вас есть комсомольцы, молодежь, организуйте субботники.

Радостными возвращались от Варенцовой Сережа Осипов и его товарищи: в руках была дорожка из лино-

леума для клише, бумага обещана, а уж в типографии энтузиасты найдутся.

Так стала выходить первая губернская газета молодежи «Юный Спартак».

Часто О. А. Варенцова выступала среди молодежи со своими призывными убедительными словами помогать фронту, бороться с хозяйственной разрухой, быть неутомимыми помощниками Коммунистической партии. Выступления Ольги Афанасьевны и других старых подпольщиков-коммунистов находили горячий отклик в молодых сердцах. Встречи со старыми большевиками были обычно теплыми и многолюдными.

Около двух лет пробыла Ольга Афанасьевна на посту секретаря губкома партии. Многих многому она научила, многим многое подсказала. Да и как могло быть иначе, когда во главе губернской партийной организации стоял такой замечательный коммунист, принципиальный ленинец с богатым опытом революционера, наступательным духом страстного борца и материнской чуткостью горячего сердца!

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

К началу 1921 года Ольга Афанасьевна почувствовала сильное недомогание. Оно и прежде давало о себе знать, но Варенцова старалась перебороть его. Она никому не жаловалась и, больше того, умела себя держать внешне довольно бодро, живя за счет внутреннего огонька, который не раз спасал ее в самые трудные дни и годы.

Однако целые десятилетия, проведенные на подпольной работе, тюрьмы, ссылки, а затем напряженная деятельность в первые годы Советской власти резко отразились на ее здоровье.

Вот почему в марте Ольга Афанасьевна обратилась в Центральный Комитет партии с просьбой освободить ее от обязанностей секретаря губкома РКП(б).

И все-таки просьба ее не сводилась к тому, чтобы обрести спокойную старость. От такого настроения Варенцова была очень далека, хотя больше, чем кто-либо, заслужила это право.

Просьбу О. А. Варенцовой Центральный Комитет удовлетворил. Летом 1921 года ее направили на лечение

в Крым. Но как только она почувствовала себя немного лучше, тут же принялась за работу, возглавляя женотдел в Севастополе.

В апреле 1922 года на XI съезде партии ее избирают членом Центральной контрольной комиссии РКП(б). На контрольные партийные комиссии, созданные по решению X съезда партии, возлагались задачи борьбы с бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблением членов партии своим партийным и служебным положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии. Пять лет — с 1922 по 1927 год — Ольга Афанасьевна принимает активное участие в работе органов ЦКК. С 1926 по 1927 год она входит в состав Контрольной комиссии Замоскворецкого района Москвы.

Много лет работала Ольга Афанасьевна в Истпарте при ЦК ВКП(б), затем трудилась в Институте Маркса — Энгельса — Ленина.

Характеристика жизни Ольги Афанасьевны Варенцовой была бы далеко не полной, если не сказать о ее журналистской деятельности, о пропаганде идей марксизма-ленинизма на страницах печати. Еще до Великого Октября она выступала в ленинской «Искре», а затем в «Правде».

Тематика ее литературных трудов одна — история возникновения и развития социал-демократического движения в России, роль В. И. Ленина в создании, развитии и руководстве Коммунистической партией Советского Союза.

Начиная с 1922 года в журнале «Пролетарская революция» печатаются статьи Варенцовой: «Объединительный съезд РСДРП», «Михаил Васильевич Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе», «Возникновение «Искры» и ее работа», «Ленин о Февральской революции», «Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП» и др.

8 марта 1933 года Ольга Афанасьевна была награждена орденом Ленина «за выдающуюся самоотверженную работу в области коммунистического просвещения работниц и крестьянок» — так писала газета «Правда».

В 1935 году выходит в свет ее капитальный труд «Северный рабочий союз», выдержавший три издания.

Емельян Ярославский писал Ольге Афанасьевне об этой книге:

«Прочел вчера Вашу работу «Северный рабочий союз» и считаю ее в высшей степени ценной для интересующихся историей нашей партии не по кратким учебникам, а по отдельным монографиям, характеризующим деятельность отдельных организаций нашей партии».

Варенцова нередко оказывала помощь в литературных трудах своим товарищам по революционному подполью. Так, при ее участии и с ее предисловиями вышли в свет книги М. А. Багаева «За десять лет» и «Моя жизнь», С. П. Шестернина «Пережитое», Ф. Н. Самойлова «По следам минувшего» и др.

Живя в Москве, Ольга Афанасьевна общалась с товарищами, которые в прошедшие годы шли вместе с ней тернистыми путями революционного подполья. К ней приезжали из Уфы, Астрахани, Вологды, Ярославля, Владимира и, конечно, земляки из Иванова. Друзья встречались чаще всего на квартире, где у Варенцовой было много книг, свежих журналов и газет. При встрече с товарищами она не упускала случая уточнить те или иные факты из истории революционного движения, необходимые для научной работы.

Когда гости по-дружески делали замечание, что она чрезмерно много трудится, Ольге Афанасьевне это не нравилось. Она старалась перевести разговор на другие темы.

Старая коммунистка Т. В. Столбова, работавшая вместе с Варенцовой в Иваново-Вознесенске, вспоминает, с какой сердечной теплотой принимала товарищей Ольга Афанасьевна. «Во время работы Ольги Афанасьевны в Москве,— пишет она,— мне часто приходилось бывать в столице, и я всегда навещала ее на квартире. При встрече она ласково улыбалась, подробно расспрашивала о делах, здоровье, о жизни рабочих родного города. Всегда у нее на столе лежало множество книг: она работала и дома, работала много, и я чувствовала, что это приносило ей радость и большое удовлетворение в жизни».

В день 75-летия Ольги Афанасьевны из родного города приехали к ней бывшие подпольщики и представители фабрик, чтобы сказать свое теплое слово юбиляру. Много в тот день воскресло в памяти живых воспоминаний о том, в каких тяжелых боях завоевывалась Советская власть, давшая народу счастье и процветание.

Ольга Афанасьевна Варенцова прожила большую плодотворную жизнь. Она умерла в Москве 25 марта 1950 года на 88-м году жизни.

Жизненный путь Варенцовой — это настоящий подвиг, светлый и волнующий, это подвиг, который не померкнет в веках..

Как радовалась Ольга Афанасьевна, когда задымили первые фабрики при Советской власти, как радовались тому ивановские текстильщики, а вместе с ними и Владимир Ильич Ленин!

В то время это было только начало грандиозного подъема трудовой доблести, творчества и дерзания.

Ныне родина Варенцовой стала гигантским текстильным цехом нашей страны. Теперь предприятия Верхне-Волжского совнархоза ежегодно выпускают 3 миллиарда 230 миллионов метров тканей.

Сам город Иваново совершенно преобразился. Он гордится новыми текстильными фабриками, машиностроительными заводами, утопающими в зелени, словно здания здравниц. Всюду видны вместо прежних хибарок и рабочих поселков с позорными названиями «Ямы», «Голодаиха» благоустроенные жилые массивы, здания институтов, театров.

А город все строится, раздвигая свои могучие плечи. Он давно стал городом боевых революционных традиций и трудовой славы. Его улицы запечатлели навечно имена многих выдающихся революционеров. Улица Варенцовой и другие памятные места, связанные с ее именем, напоминают жителям о славной большевичке, жизнь которой была целиком отдана народу.

В 100-летие со дня рождения Ольги Афанасьевны (8 июля 1962 года) город с восхищением принял известие о том, что советское правительство присвоило имя Варенцовой Большой Ивановской мануфактуре, одному из крупнейших ситцепечатных предприятий нашей Родины.

Это предприятие имеет свою славную историю. Более 70 лет назад рабочие фабрики стали посещать первые марксистские кружки в Иваново-Вознесенске, одним из руководителей которых была Ольга Афанасьевна Варенцова.

Вместе с ивановцами 100-летие со дня рождения профессиональной русской революционерки отметили тру-

дящиеся Ярославля и Костромы, Владимира и Вологды, Воронежа и Харькова и других городов. В центральной прессе и в областных газетах были напечатаны статьи, новые, ранее неизвестные документы большевистского подполья, характеризующие громадную революционную деятельность Варенцовой.

В те же дни из Иванова в Москву выехала делегация старых коммунистов и представителей фабрик в составе 40 человек, чтобы возложить венки на могилу Ольги Афанасьевны.

Товарищи, друзья Варенцовой, живущие ныне в Москве, присоединились к ивановцам и вместе с ними посетили Ново-Девичье кладбище, где похоронена революционерка.

Среди них были люди большевистского подполья: М. Ф. Икрянистова, М. К. Бубнова, П. Я. Воронова, М. А. Шустова, В. С. Калашников, А. А. Осинкин, бывший чапаевец, а ныне Герой Советского Союза, генерал-полковник Н. М. Хлебников и многие другие.

Весь жизненный путь Ольги Афанасьевны свидетельствует о том, как велика и непреклонна была ее вера в торжество ленинских идей, с какой кристальной честностью, богатой душой и принципиальностью несла она высокое звание члена партии.

Свой очерк об Ольге Афанасьевне Варенцовой нам хочется закончить отечески мудрыми словами Н. С. Хрущева, обращенными к молодому поколению: «*И мы хотели бы посоветовать нашим молодым людям: учитесь на истории революции, на истории борьбы, участниками которой были ваши отцы и матери, и свято храните память о тех, которых уже нет, и с уважением относитесь к тем, которые живут, и берите от них на вооружение в свои руки все, чтобы вы были достойными людьми, достойными продолжателями дела своих отцов.*»